

Аннотация

Авторы данной статьи предлагают новый, эвристический подход, выявляющий звучание слова в его первородном ареале. Исследование древних звуков и созвучий ведется на пути эволюционного развития языка, что помогает найти лингвоартефакты, а затем – типичные коды, генотипы доисторических времен. Этот метод не противопоставляется компаративистике, а исследует слово параллельно, дополняя ее, выявляя корни лексем, которые не всегда поддаются сравнительному анализу. Конечно, эта теория требует дальнейшего осмысления и углубления, но сегодня она представляет интерес как перспективное научное направление в развитии этимологических методов реставрации протоязыка.

Abstract. The article proposes a new, heuristic approach, based on the word phonation in its original areola. Ancient speech sounds and sonority research is based on the language evolution, which provides linguistic artifact and, then, typical codes and prehistoric genotypes. This method isn't contrasted to comparativistics, but makes the parallel research of the word, thus complementing it and searching the lexemes roots not always studied using the comparative analysis. This theory necessarily needs the further analysis and detailing but it is a promising research area in developing etymologic proto-language restoration methods nowadays.

Ключевые слова: лингвистика, этимология, структура ГУБЫ – КУПЫ, БРОД – ПЛОТ.

Key words: linguistics, etymological, structure, GUBY – KUPY, BROD – PLOT

От бессознательного к осознанному

Археолингвистика – экспериментальная структурная разработка языковой модели в хронологической системе координат с определением относительного возраста каждой фонемы или группы фонем. Дифференциация фонем по глоттохронологии предполагает дальнейшее проникновение в глубь языка, к его истокам. В этой статье археолингвистика рассматривается в русле теории структурной антропологии. Протолингвистика – как общее понятие доисторического языка, археолингвистика – метод его исследования.

В языкознании существует аксиома: языковая связь с первобытным прошлым безвозвратно потеряна, за пределами письменности начинаются гипотезы. Остается скептицизм в компаративистском поиске дальнего родства языков, остается утверждение, что устойчивая лексика является немотивированной. Однако любая аксиома должна подвергаться сомнению. Как говорил Галилео Галилей, лишь со смертью догмы начинается наука. Надо спуститься с небес нынешнего языка и до конца усвоить то, что сегодняшним упакованным лингвистическим багажом нельзя изучить его прошлое. Оно другое. У него нет того, что мы усвоили за многие тысячелетия. Человек по крохам оставлял звериные свойства и по крохам постигал природные законы. Не надо нынешние понятия втискивать в голову животного; если считать, что они не дарованы свыше – бессознательные, непонятные, странные, явившиеся из ниоткуда, но ныне всем понятные звуки, – то надо искать их генетический базис в глубинах времен человеческого общения. Не придумывать, не приписывать им нынешние нарративы. Часто этимологи приписывают свои

понимания тем животным, что были у истоков языка. Это были именно животные, не имеющие представления обо всем, что их окружает. Они не понимали ни белого, ни черного... Их отношение к вещам то же, что и сегодня у собак, лошадей, обезьян... Мы говорим «древний» человек, но он еще не был человеком, а сначала – просто животным, потом полуживотным, человеко-животным, дочеловеком... И чтобы понять мир в различии и взаимодействии, ему требовались тысячи и тысячи лет эволюционного развития, чтобы образовать нынешнюю абэвэгэдэйку. Если считать, что язык сразу явился человеку во всем его сегодняшнем прекрасном облики, то надо обратиться к библейскому толкованию и поверить, что вначале было слово, свалившееся с неба как манна небесная. Язык-явление воспринимается потому как нечто сакральное, богоданное, что его происхождение и структура труднопостижимые, на уровне бессознательного мышления. Этот дар, полученный человечеством, фетишизируется, что мешает научному исследованию. Но если его придумали не на небесах, а человек создал сам свою речь в ее примитивном, полудиком состоянии, значит, надо искать тот самый примитив, который исчез в пучине времени.

Общение с природой

Разные теории происхождения языка, возможно, не стоит отвергать огульно. Каждая вносит частицу фактического и логического стройматериала. Есть гипотезы, основанные на фактах. Этологи утверждают, что если нынешние охотники издают протяжное У-У-У, то на этот звук откликаются волки и идут на них. На другой гласный они не идут. Таково звуковое общение человека с дикой природой. У-У-У для дочеловека стал тоже означать сближение. Бессознательно или случайно подражая разным звериным призывам, дочеловек мог в этом находить свой шкурный интерес. Он по-

буждал повторять действия так же, как любое животное прокладывает тропинку туда, где находит пищу, а здесь сама пища приходила к его ногам. Так он мог стихийно двигаться к осознанию собственной выгоды. Здесь появляется, по Ф. де Соссюру, «соединение смысла и акустического образа». Семиолог А. Н. Барулин считает, что символы берут начало от потребности дочеловека: «Один из важнейших промежуточных пунктов на этом пути – появление у *Homo habilis* способности и стремления приспособлять природную среду к своим нуждам и как следствие – способности к “обратному моделированию”» [2. С. 63]. От стимула к символу. Мышление начиналось с первых понятий, а не с языка. Семиотическое воплощение смысла явлений – шаг к человеку. Подобные модели, основанные на фактах, как бы подтверждают вывод автора исследования С. Бурлак «Происхождение языка», что «ничего принципиально невозможного для природы в языковой человеческой способности нет» [5. С. 68]. Призыв зверей был как бы иконическим знаком, а призыв охотников символом, перемещенным от денотата к вербальному воспроизводству. Но сводить все к подобным действиям – необъективно. Человек-животное был прямоходящим, имел свободные руки для действий и жестов, компактный язык для создания разных звуков. Эти особенности строения могли выделить его из разнообразия живого окружения. Впрочем, об этом лучше прочитать в монографии Дерека Бикертонна «Язык Адама. Как люди создали язык и как язык создал людей». Его теория – существенный слой, поднятый в раскопках прото-языка. Но археологический поиск в лингвистике продолжается по его же завету: «Конечно, воспроизвести языки каменного века не удастся, мы – люди, а они ими не были, но вам удастся установить предел того, что они могли достичь, и я готов поспорить, что в процессе всплывут новые неизвестные факты о языке».

Вначале был жест

Любой осознанный звук рождается не стихийно, а в определенной артикуляции губ, положения языка и в его взаимодействии с другими органами рта. Льюис Морган в капитальном труде «Древнее общество» пишет, что возникновению языка звуков предшествовал язык жестов, он сослался даже на произведение философа древности Лукреция, где есть такие строчки: «...люди в самый ранний период своего развития сообщали друг другу свои мысли бормоча, звуками и жестами... Чем ниже мы опускаемся по ступеням развития языка к его наиболее грубым формам, – пишет Морган, – тем более растет в количестве и разнообразии своих форм элемент жестов...» [19. С. 25]. Он считал, что человек осваивал взаимообщение примерно одну треть своего существования на Земле. О зарождении языка с помощью жестов писали многие ученые, мыслители, в том числе Декарт и Руссо. Вместе с Р. Якобсоном философ К. Леви-Стросс является автором идеи возникновения языка как комбинации жестов и выкриков, которые превратились в фонемы. Исследователь жестов обезьян и их взаимодействия с речью человека ученый Роджер С. Фоутс пришел к выводу, что знаковый язык использует жестикуляцию руками; устный – жестикуляцию языком. Ученые Эми Поллик и Франс де Ваал, изучая жесты, пришли к выводу, что язык имел скорее жестовое, чем вокальное происхождение. Последние выводы в исследовании нейрофизиологии человека убеждают в том, что жест связан с речевой деятельностью. Науке известен глухонемой бурят, который не слышал, а «видел» и хорошо понимал речь собеседника по артикуляции губ, рта. «Видел» и по-бурятски, и по-русски. В отличие от условных языков типа жестикуляции, азбуки Брайля, Морзе... здесь уже не «продукт звука», продукт не звукового, а зрительного восприятия языка, продукт знака, его материаль-

ное воплощение, аналог жестового языка. Исходя из этих доказательств, возникает гипотетическая, но вполне логическая цепочка, имеющая фактическое основание. Возможно, функциональные свойства артикуляции при общении человека с человеком использовались как жесты. Так схождение губ в звук У стало подобием жеста сближения. То же соединение смысла и акустического образа. Здесь не требуется каких-либо умственных завихрений, примитив продиктован переходным периодом от животного к человеку. Жесты, перешедшие в семиотическую сферу ротовой части тела, положили начало вокальному воспроизводству смыслодержащих звуков.

Почему оканчивается на У?

Одним из главных направлений в структурной антропологии философа Клода Леви-Стросса является исследование бессознательных законов, которые управляют человечеством. К ним ученый относит и язык, речь. «Прежде всего, почти все акты лингвистического поведения оказываются на уровне бессознательного мышления», – утверждает он и сравнивает раскрытие бессознательных законов социальной жизни людей с фонологическими законами языка, опираясь на теории лингвистов Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона [16. С. 8]. Обращение к языковому фактору в антропологии так или иначе ведет к этимологическому поиску, что сродни археологическому. Этимолога не так интересует слово как таковое, его интересует: почему оно стало этим словом, воплотившись именно в эту фоноформу? Почему оканчивается на У? Мы бессознательно принимаем дошедшее до нас слово и его составляющие как аксиому, как данность. Но где-то есть его истоки, те неведомые фонетические законы, которые определили своеобразие каждого слова. Часто этимологи шарят на расстоянии вытянутой руки, нащупывают более поздние артефакты. Но у них

были уже свои предки, до нас дошедшее слово – в новом обличи. В этом суть протолингвистики.

При всем богатстве и современном языковом разнообразии базовая лексика все же сохраняет генетические признаки доисторического периода развития речи. Лингвисты С. А. Старостин и его единомышленники даже подсчитали, что часто употребляемые слова могут сохраняться узнаваемыми через тысячи лет, это своего рода гены языка. Задача заключается в том, чтобы найти надежный критерий, чтобы выделить из огромного словарного состава те лексемы, что несут в себе первичные формы и значения, чтобы реконструкт и реальность совпали. Возможно ли это? На этот вопрос статья дает положительный ответ. Без утопий и фантазий.

Принципы современных этимологических исследований разрабатывались во многих статьях академика В. Н. Топорова. Они не теряют своей актуальности, утверждая, что «понятие окончательной этимологии для целого класса слов является иллюзией...» [27. С. 205–211]. Раздвигая горизонты исторического языкознания, он особое значение придавал развивающейся науке лингвистического моделирования на основе кибернетики, поиску критерия истинности в структурном подходе к этимологическому анализу. Эти постулаты крупнейшего ученого-языковеда могут стать своего рода дорожной картой в переосмыслении многих аспектов исторического развития языка. Структурная лингвистика, типология, по теории Топорова, иницируют постановку новых решений: «Каждый опыт-попытка такой встречи-соединения языка и смысла, каким бы неясным и приблизительным он ни был, уже означает победу...» [27. С. 13]. В своих статьях он неоднократно обращает внимание на словарный состав языка. Сегодня с помощью кибернетики найдены корни, суффиксы, префиксы, окончания... Но это лишь дробление слов в ны-

нешнем формате с элементами субъективного толкования их структуры.

Парадигма диахронического исследования не может не учитывать совокупность всех аспектов базового состава языка. И здесь нельзя не отметить особенность сравнения славянских языков. Так в русском слова ОРА (пахать), ЛЕПОТА – глубокие архаизмы, но в болгарском и других славянских языках – действующие. Значит, и в русском сохранились подобные архаизмы, пришедшие из доисторического коммуникативного прошлого. Эта особенность могла стать для французского лингвиста А. Мейе одним из аргументов, чтобы отнести славянский язык к архаичному типу. Но так как эта лексика представляет факт нынешнего словоупотребления, то лучше назвать их историзмами, по которым есть перспектива для поиска родословной языка. По мнению лингвиста В. П. Нерознака, «общеславянский язык предстает как верифицируемая языковыми фактами реальность» [20. С. 26–43]. Это своеобразие дает повод сосредоточить внимание на базовом составе славянских языков и на одном из них – русском.

В лингвистике порой неисследованные субстраты или не замечаются, или искажается их суть. Пример тому – берестяные грамоты. Если бы академик А. А. Зализняк не доказал закономерность разночтений в этих грамотах, так бы и считались их неведомые авторы малограмотными, пишущими с ошибками, и древнее письмо не получило бы еще одну интерпретацию в историческом языкознании [11. брст. гр., 2015–2017]. Слово КЕЛО – цело – так бы и числилось как лингвистический неопознанный объект, но ученый извлек его семантику из далекого темного прошлого, чтобы показать то, что не всегда предки ошибаются, возможно, чаще – их потомки.

Азбука до кириллицы

Конечная цель любой этимологии не только установить язык прошлого, но главное – найти фонетическое начало языка, доисторическую устную азбуку. Берестяные грамоты №№ 501, 460, а также надпись на стене Софийского собора в Киеве отражают не только то, что было, но и то, чего не было. А не было в языке того периода ни Щ, ни Ц, ни Ъ, ни юсов, ни йотированных. Остаются тайной две берестяные грамоты (две! – не случайность), написанные славянским языком, но в них имеется смешение глухих и звонких согласных. На это особое внимание обратил А. Зализняк. Возможно, за этим «акцентом» стоит диалект некоей местности. Диалекты живучи. На Урал из северных областей России два века назад были переселены деревни с окающим говором, но в них до сих пор окают. Диалекты есть лингвистические останцы какого-либо языка, не придуманы же они узкой общностью людей. Это лингвоохранилища, в которых сосредоточены б/у-словоформы. Это своего рода языковые ниши. Но остальные слова – их ровесники – продолжают жить, иначе все языки окажутся бывшими. Как же определить возраст устойчивой лексики не от греческих календ, а от начала начал человеческой речи? Какие согласные появились раньше, глухие или звонкие? Или одновременно? Смешение в берестяных грамотах – может быть, это признак завершающегося процесса трансформации раннего этапа языковой стихии, заката устной азбуки, которую письменность устаканила. Все эти вопросы требуют ответа, который скрыт в огромном словарном составе языка.

Лингвистическая археология

Если человек владеет языком непрерывно тысячи лет, то и в речи сохранились лингвистические останки, скелеты слов, понятий, осколки древних смыслов. Человеческое общение непрерывно, его траектория пролегает из глубин

прошлого. Значит, и в языке есть свои артефакты. Генеалогическая цепь несет в себе все те же признаки прошлой звукоформы и связанные с ней понятия. До наших дней должен достигать генофонд языка. С прошлых тысячелетий сохраняются в культурных слоях земли главные составляющие организма человека – кости. Бесхребетный язык давно бы рассыпался, но он продолжает быть. Вся тайна языка кроется в трех-четыре десятках звуков, в которых и прячутся лингвистические архетипы. Логическая парадигма утверждает, что по шкале диахронии возраст членов алфавита – фонем – должен быть разным. Но как определить возраст каждого осмысленного звука? Прямого ответа на этот вопрос в науке пока нет, но есть косвенные доказательства их возрастной категории.

Называя глухую согласную «архифонемой», лингвисты Н. Трубецкой и другие имели в виду особенность привативной оппозиции в том, что отсутствие, например, звонкости у согласных есть признак их более примитивной природы [29. С. 44–59]. А. Лосев пишет об этом так: «Архифонема отличается, очевидно, от фонемы меньшим количеством признаков и потому является более первоначальной» [17. С. 117].

Можно ли пробиться сквозь напластования языка к его истокам? Леви-Стросс утверждает, что можно: «Многие лингвистические проблемы могут быть разрешены современными вычислительными машинами. Если известны фонологическая структура какого-либо языка и правила, определяющие сочетаемость согласных и гласных, то машина легко могла бы составить перечень комбинаций фонем, образующих имеющиеся в словаре слова из слогов, а также перечень различных комбинаций, совместимых с определенной структурой языка» [16. С. 62]. Именно этот путь выбрали лингвисты Леонид и Владислав Писановы, авторы данной статьи. Мы сделали попытку вникнуть в суть

плоттохронологии практически, а не умозрительно. Опираясь на косвенные доказательства лингвистов, по типологическим наблюдениям пришли к убеждению, что первыми в языке должны были появиться слова с глухими согласными, звонкие – производные: МЕСТЬ – ВОЗМЕЗДИЕ.

В лингвистическую сферу вошли математики Южно-Уральского государственного университета, доктора физико-математических наук, декан факультета математики, механики и точных наук А. В. Келлер и заведующая кафедрой математического и компьютерного программирования А. А. Замышляева. Непосредственное участие в эксперименте принял кандидат математических наук, доцент М. Ю. Катаргин, студенты. Была разработана программа на основе четырех словарей русского языка Ожегова, Зализняка, Про-Линг и современного литературного. Выделялись слова современного употребления одного языка – по С. А. Старостину, учтены его советы в статье «Рабочая среда для лингвиста», его замечание к словарю Кузнецова, Ефремова, чтобы не включать слова, где есть варианты одних и тех же корней, типа ОБВЕРТ и ВЕРТ [25. С. 192].

На выходе «черного ящика» из заданного множества слов и букв кибер выдал результат, отделив слова с глухими согласными, а также без шипящих, йотированных, цокающих... всех тех, которых нет в начале славянской письменности. Здесь представлена часть словника, около 400 слов без звонких согласных. Не вошли слова, начинающиеся с гласных, такие как ИСТИНА, ОСНОВА... В них нет полного слогаобразования. Вот слова, выделенные кибером:

В – вал, валец, валенки, валовая, валок, валун, вас, вата, веет, век, велено, велес, великан, вена, веник, веночек, весело, веси, вес, весло, весна, вести, весть, весь, ветка, ветла, вилка, вильнуть, вина, висеть, висок, витать, вить, вкупе, вкус, власть, вникать, внук, воевать, воет, воин, вол, волк,

волна, волокита, волокно, волос, вонь, вопьется, вопить, воск, воспаление, воспитать, восстать, восток, вот, воткнуть, впасть, впивать, вплоть, вповалку, вскинуть, вскипеть, всплески, вспотеть, вспять, вставка, встать, вталкивать, втулка, втуне, вулкан, вьесться, вьявь, вьется.

К – как, калека, каление, калина, калитка, канава, канат, канва, канитель, канул, канун, капкан, капли, капуста, касание, катить, квакнуть, квас, кVELO, кивать, кинуть, кипеть, кисель, кисло, класть, клевать, клевета, клеить, клекот, клен, клепка, клетка, клик, клинок, клок, клокотать, клонить, клоп, кнопка, кнут, ковать, колени, колесо, колокол, колоть, колос, колосник, колоть, колотить, колпак, колун, колупать, колено, конопатить, конь, копать, копить, копна, копоть, копьe, косина, косить, косность, кот, котел, котловина, кстати, кто, кукла, куковать, кулак, кулик, куль, купанье, купель, купить, купно, купол, кусать, кусок, куст, кутать, кутенок, кутить.

Л – лава, лавка, лает, лак, лакать, лапа, лапти, ласка, латы, латать, лево, лента, лень, лепесток, лепет, лепить, лепта, лес, лесенка, лeсть, летать, лето, ливень, лик, ликовать, лилово, линька, липа, липко, лиса, лист, лить, лов, ловко, локон, локоть, лоно, лопата, лопатка, лопать, лопнуть, лоскут, лось, лук, лука, лукавить, луна, лунка, лупить, лить, лен, льнуть, льстить.

Н – навалить, навевать, навек, навес, навет, наволок, наивно, наискось, накал, накануне, накат, наклон, нанос, напасть, наповал, напуск, нас, население, насест, наставник, настал, настил, натек, натиск, наука, наутек, невеста, неистово, некие, нелепо, ненависть, ненастье, нести, несусветно, нет, нива, никнуть, нова, новь, ноет, ноль, нос, носить, нукать.

П – пава, пакет, пакость, пал, палата, палка, паника, папа, пасека, пасовать, пасти, патока, паук, пекло, пелена, пена, пение, пень, пенька, пенять, пепел, пес, песни, песок, пест,

пестовать, петелька, петь, пиво, пикнуть, писать, пить, плавать, плавка, плакать, план, планка, пласт, плата, платок, плато, плевать, плел, плен, пленка, плесень, плеск, плестись, плетень, плеть, плита, плоскость, плот, плотва, плотина, плотник, плотно, плоть, плут, повеса, повесть, поволока, покато, поклон, покои, поколение, покупка, пол, полено, полет, поливать, полк, полка, полно, половик, половина, полое, полоса, полоскать, полость, полотно, полоть, полтина, понукать, попасть, посев, посол, после, пост, постель, постное, поступок, посул, потакать, потеть, поток, потупиться, пульнуть, пуп, пуск, пуст, пустить, путно, путь.

С – саван, сало, сани, сатана, сват, свет, свист, свита, свить, свое, сев, секло, сел, село, сено, сетка, сетовать, сила, синева, скакать, скала, скалка, скат, скит, склон, скок, скол, сколько, скот, скука, скула, скулить, скуп, слава, слать, слеп, сливать, слова, слои, снасти, сник, снилось, снискать, снова, сновать, сноп, снос, со, сова, совать, совесть, совет, совок, совпасть, сок, сокол, соль, сон, сопеть, сопка, сосать, сосна, состав, спать, спасать, спелость, спесь, спина, сплав, сплетни, сплотить, спуск, спутник, ставни, стакан, стал, стан, ствол, стекать, стекло, стена, стлать, сто, сток, столп, столько, стон, стопа, стук, стул, ступа, суета, сук, сука, сулить, сунуть, суп, сустав, сутки, сутулость, суть.

Т – так, таково, таскать, те, текст, текстиль, тело, теленок, телеса, тень, тепло, тес, тесно, тесто, теть, тетка, тик, тикать, тина, тиски, ткань, ткнуть, тлен, ток, толика, толк, толпа, толсто, только, тонко, тонуть, топать, топить, тоска, тук, тулуп, тупик, тупость, тускло, тут.

Кибер выдал странную лексику. В словнике всего 12 фонем: пять гласных и семь согласных: А, Е, И, О, У и В, Л, К, Н, П, С, Т. В нем не оказалось даже таких распространенных во всех языках фонем как М и Р. Кроме того, все слова оказались немотивированными, как видно, тот слой лексики, что отличает ее от подавляющего числа производных.

Может возникнуть вопрос: разве согласная В – глухая? Во-первых, ее принадлежность относительна, скажите слово «завтра» в определенной позиции – чего здесь больше В или Ф? Во-вторых, электронный «мозг» отнес В к глухим – тоже аргумент, значит, она пограничная. Звонкость она могла приобрести при озвончении языка, то есть в более поздние времена. Это самая противоречивая согласная, по-разному звучащая в языках.

Ъ и Ъ – бывшие гласные О и Е [18. С. 43, 89; 7 брст. гр.].

Этот немногочисленный слой лексики в активе современного человека, без которого он не сможет обойтись, значит, это базовый слой. Вправе предположить, что мы имеем дело с алфавитом из двенадцати эмбриональных фонем. Причем многие корни этих слов имеются с местными изменениями в основных фондах других славянских языков, значит, они общие, праславянские [21. С. 374].

Удивительно то, что те же 12 фонем составляют самый древнейший на земле живой гавайский язык, бытовавший изолированно от языков всего мира. Те же гласные и почти те же согласные, та же слоговая система, отсутствие звонких. Возможно – случайное совпадение. Возможно – нет [13. С. 58].

Доисторический устный звуковой алфавит должен был развиваться так же эволюционно, как и весь язык, он не мог состоять из нынешнего алфавитного набора. Двенадцать фонем немотивированной лексики в таком важнейшем лексическом факторе – слова, составляющие основу языка. Выделенный фрагмент словаря может быть уподоблен списку М. Сводеша, но по фонетическому признаку. Дюжина фонем прокладывает путь к дальнейшим исследованиям с учетом методологий, основанных на полном алфавите. Для лучшего восприятия исследуемых лингвоформ выделим их прописью.

Это математический факт точности в лингвистике, или, как называет академик Н. Н. Казанский, филологическая

акрибия. Здесь нет какого-либо субъективного толкования: все поддается верификации, отвечает принципу очевидности.

Откуда эта дюжина?

Как эти фонемы составили сочетания, которые стали понятиями, а затем словами? Или здесь тоже признак бессознательного образования? Очевидно, надо идти в дальнейшие исторические глубины языка, чтобы найти осознанность появления каждой фонемы. Попробуем практически проанализировать артикуляционно-акустические признаки каждого смыслодержающего звука из двенадцати. Проанализируем междометие, существующее в разных языках: «АУ!», справедливо полагая, что это один из первородных артефактов человеческой речи. Здесь физиологически А даже не звук, а лишь забор воздуха в легкие, но звук У – в сильной позиции. И сегодня мы вполне понимаем семантику архаичного междометия: «Я здесь!» или «Иди сюда!». Звук У, таким образом, получил осмысление, он обозначил сближение, как бы повторяя артикуляцию человеческих губ. Проследим общеязыковую специфику семантики звука У: всюду он означал «узость», «сужение», «схождение», особенно с помощью слогов КУ и СУ. Можно предположить, что понятие КУСАТЬ – КУ-САТЕ, где КУ – сближение, а САТЕ – садить. Здесь КУ – сформированное понятие сближения с помощью У. В разных языках он мог эволюционно изменяться. По классификации Ч. С. Пирса, субзнаковая сущность фонемы У выступает как знак-копия со знака-индекса – артикуляции губ – и становится знаком-символом, гранью между означающим в артикуляции и означаемым в звуке, затем становится означающим в речи.

Звук О также сохраняет семантику древнего междометия, имеющего смысл объемности, обширности, и сегодня объем обозначается расширением или сужением рта или рук. При математическом подсчете О по частоте намного опережает

другие гласные. Звук Е стал означать движение – соответственно продвижению языка вперед. Присутствие Е в словах часто соответствует движению. Звук Т – твердое прикосновение языка к зубам, он послужил осмыслению понятия твердости. По частоте эта согласная на втором месте. Звук В – вхождение зубов в нижнюю губу, потому он стал приближаться к понятиям вхождения, воли. Звук П сконструировали плотно сжатые губы, что само по себе создавало понятие плотности. Звук К образовал смысл «касания», «приближения». Эту фонему языковед В. Иллич-Свитыч назвал «направительной частицей в разных языках» [Ностр. словарь]. Звук С образован от стремления к соприкосновению. Эта согласная опережает по частоте все остальные. Звук Н связан с отрицанием «но» или «не», когда отрывался от нёба. Звук Л, как видно, образовался вместе с понятием движения. Это не умозрительные построения, а «звучащая материя», по Гумбольдту, – онтологическая квинтэссенция. Так звуки, издаваемые человеком, его эволюционирующим речевым аппаратом, обретали вербальность. Каждый звук утверждал свой смысл. Это были «желуди», из которых выросли «дубы» (по Бикертону). Любая замена одной фонемы на другую сразу же опускает семиотический шлагбаум перед понятием, тормозит смысл.

Типологический принцип помог составить таблицу закономерности перекодирования фонем. Наиболее частые замены при реставрации: согласная Г на К; Ж на П, С, К; Ш на С, СТО; М на Н, П, К, В; Щ на СТЕ; Р на Л; Ф на В; Б на П и К; Х, Ч, Ц на К; Д на Т; Т на С; гласные: А, Ы, Е на О; И на Е; Ю на У; Й на ЛО. Дифтонгическая фонема Я заменяет разные слоги: ПО, КО, ЛО.

Так родился археологический метод в лингвистике. В этой аналитике взят для исследования русский язык. Как замечает Леви-Стросс, и в одном языке могут быть отражены типичные законы и правила других. Прежде всего опре-

деляющая особенность метода в том, что при замене фонем – звонких или М, Р на фонемы из 12 – мы получаем не бессмыслицу, а логическую связь семантики реконструированного слова с нынешними аналогами. Казалось бы, бессознательные слова НОГТИ и КОГТИ, но заменяя звонкие Г и пропущенные О, получаем новое осмысление: НО-КО-ТЕ и КО-КОТЕ, где НО – нет, КО – ко, КОТЕ – ходить. Функциональный смысл: то, что растет на руках, – не к ходьбе, на ногах – к ходьбе. Пример, глубоко затрагивающий проблему образования слов и даже человеческого начала. Это был язык не слов, а понятий. При реконструкции заменяем фонемы на те из 12, которые дают логический факт. Все эти особенности необходимо учитывать.

Малое количество фонем дает уникальную возможность определить их древнейшие фонологические и структурные особенности вне зависимости от их положения в слове. Прежде всего ставится задача определить несущие свойства фонем. В этом аспекте теоретической опорой может стать учение философа, лингвиста А. Ф. Лосева. Его парадигма фонемы несет убедительные доказательства этих свойств. «Всякая фонема содержит в себе в свернутом виде бесконечный ряд своих творчески-жизненных воплощений... Жизнь невысказана без такого рода эмбриологии». В фонеме он видит не только зародыш, эмбрион «звуковых возможностей», но считает ее «генератором или породителем» последующих звучаний. «Нужно твердо помнить, что звуки, взятые сами по себе, тоже имеют свой собственный смысл, что им тоже свойственна смысловоразличительная функция... Иначе мы не будем знать, что звук “а” есть именно звук “а”, а звук “б” именно звук “б”. Если эти звуки являются для нас не просто беглыми, неуловимыми, неразличимыми звуками сплошного речевого потока, но фонемами, то они являются и означающими, и означаемыми одновременно. Поэтому удобно назвать такую

дистинктивную функцию фонемы именно первично-дистинктивной» [17. С. 114, 167–180].

Не соглашаясь в целом с концепцией звукоподражания фонолога С. В. Воронина и его последователей, находим соответствие с одним из его выводов: изменив артикуляцию, изменяем фонему, а значит – смысл слова. «В неизменной артикуляции – источник произвольности, мотивированности фонемы как языкового знака» [7. С. 244]. Если мы проведем траекторию развития языка от настоящего к далекому прошлому, то обнаружим онтологическую сущность фонем, их первородную основу образования. Как утверждал В. Гумбольдт, «только действительный звук, сформированный материально (т. е. звучащая материя) составляет настоящий язык» [1. С. 316]. Фонема – продукт звука, утверждал Ж. Вандриес. Антропофоническую природу изменений в языке подчеркивали И. Бодуэн де Куртене, Л. Щерба и другие.

Нынешняя наука наглядно подтверждает эти теории. В лаборатории экспериментально-акустических исследований Института филологии Сибирского отделения АН РФ ведутся уникальные исследования более 30 сибирских языков с использованием новейших цифровых томографических и других систем. Это, можно сказать, «материализация» языка. Ученые доказали, что артикуляционно-акустическая база (ААБ) сохраняет свою специфику ранней стадии формирования этноса, что позволяет реконструировать древнейшие этногенетические процессы, решать проблемы глоттогенеза. По их выводам, ААБ передается из поколения в поколение даже при переходе этноса на другой язык. «Это свойство делает ее надежным информативным историко-лингвистическим источником», – утверждает заведующая лабораторией, доктор филологических наук, профессор И. Я. Селютина.

Если считать, что современная речь изначально состояла из сегодняшнего письменного набора фонем, то тысячи

лет мы говорим по одному и тому же застывшему алфавиту, созданному неким сакраментальным гением. Нынешний лексический слой, когда по нему ищут протослова, порой создает путаницу между дописьменным языком и письменным, ведь последний формировался уже по относительно готовой матрице и не отражает начальную стадию становления человеческой речи. Но геометрия звуков, проходя по траектории времени, варьируясь и видоизменяясь, все же сохранила частично свои первородные очертания.

Генетически фонетический и семантический факторы передавались из поколения в поколение как наследие. Словарный состав, состоящий из 12 фонем, имеющий коренные отличия от общесловарного, вполне может считаться ядром древнейшего языка и приниматься за глоттохронологическую константу. Эта парадигма дает основание назвать метод реконструкции праязыка археолингвистикой. Она на фактах доказывает, что человеческая речь формировалась с помощью мимики, жестикуляции и артикуляции, осмысливая издаваемые звуки с развивающейся одновременно аналитической способностью. На переход к слову могли уйти тысячи тысячелетий.

Конструкция первозвучия

Без звонких согласных «исследование постоянных элементов фонологической структуры какого-либо языка должно дополняться поисками универсальных постоянных элементов в фонологической структуре языка», – замечает Леви-Стросс [16. С. 88]. Отсутствие звонких согласных, М и Р создает новую парадигму реконструкции языковой структуры. Если предположить, что в древнем языке они отсутствовали, то, значит, они возникли в более поздние эпохи. Доисторический устный звуковой алфавит должен был развиваться так же эволюционно, как и весь язык, он не мог состоять из нынешнего алфавитного набо-

ра. Двенадцать фонем немотивированной лексики в таком важнейшем ядерном лексическом факторе – слова, составляющие основу языка. Этот дискурс дает возможность перекодирования слов с тридцати трех фонем общего словаря на фонемы из двенадцати. Например, бессознательное образование ГУБЫ, состоящие из звонких согласных, или Обская губа – почему «губа»? Заменяем звонкие глухими – КУПО. При этом возникает понятие «закупоривание» – появляется логический факт, мотивация, так как губы закупоривают рот, а впадение Оби купирывается морем, образует акваторию – устье, где тоже от понятия «уста» – по-болгарски «рот». Как видим, мотивация идет от свойств человеческого организма. Часть понятий КУПО озвончилась, другая часть осталась от первосоздания. В «Словаре ностратических языков» В. Иллич-Свитыча корень КУП встречается во всех языках понятия «куча», но в части языков было вместо П – Б. Автор так характеризует это: «В инлауте и. е. варианты с “р” и “в” скорее указывают на исходный “р”» [12. С. 367]. Нельзя не заметить семантическое соответствие: КУСТ – густо; ЗАКОН – СО-КОНО, где КОНО – порядок, с порядком; БРЫЗГАТЬ – плескать, БЕРЕЗА – ПЕЛЕ-СО, где ПЕЛЕ – пленка, береста. Этот нарратив подтверждает и пример, приведенный академиком В. Н. Топоровым с тохарским корнем *tot*, «который в равной степени может считаться перекодированием девяти индоевропейских сочетаний – *tot, dot, dhot, tod, todh, dod, doht, dhod, dhodh*» [27. С. 19–40]. Подобные примеры говорят об эволюционной замене глухих (тихих) согласных на звонкие, более звучные. Но язык не бывает без исключений: есть чередования В и Н, особенно часто С и Т. Слово «озвончение» условно, так как замена шла не только звонкими согласными и не только согласных. Первый алфавит, как видим, состоял из 12 фонем. Затем какая-то часть первородных фонем оставалась неизменной, а какая-то

объясняет тенденцию восходящей звучности, это объясняет и причины палатализации.

По левостроссовской парадигме, «прежде всего фонология переходит от изучения сознательных лингвистических явлений к исследованию их бессознательного базиса» [16. С. 14.] Трудно представить язык без таких незаменимых фонем, как М и Р. Здесь срабатывает наше догматическое мышление: этого не может быть, так как не может быть никогда. Но предки не знали наших нарративов и обходились без них. Вслед за словарем Фасмера все считают, что древнейшее слово «мешок» произошло от слова «мех». А этимология «мех» теряется в гадании. Но заменяем М на Н, Ш на С и получается ясное и логичное НЕ-СОК. От функционального предназначения. Какая разница, из чего он сделан! Главное – для чего? Все протослова произошли от этого вопроса. Прапонятие НОСО – носить, КОРОМЫСЛО – КОЛО – кол, палка, МЫС – НОСО – носить, ЛО – человек. Смещение М и Н имеются в новгородских грамотах 227, 1094, в «Слове о полку Игореве»: «женчюг» и «жемчюг». Фонема М заменяет и другие согласные: К – колоток [сл. Даля] – молоток, колотить – молотить... Типологически найдены замены на М согласных Н, П, Т, К, В. Слово МИР – ПЕ-ЛО – покрытие человеком, людьми, КНУТ, ОМУТ, ХОМУТ – все эти слова одной семантики, где КО-НУТО – к принуждению.

КЛИК и КРИК, КЛОКОТАТЬ и РОКОТАТЬ – все они одного семантического гнезда, свойство звуков. Корень КЛИК есть почти во всех языках индоевропейского ареала, а КРИК – тоже во многих, но в измененной фонетике. ТОЛКАТЬ – ТОРКАТЬ, КОЛОТЬ – КАРАТЬ... РОТ – ЛОТО можно проверить словом ГЛОТКА – КО-ЛОТО-КО – ко рту, сюда же можно отнести и греческое слово ГЛОТТО – рот, язык. Эти примеры – из множества других, где происходит перекодировка согласных и гласных. Мена фонем или

чередование не всегда поддается четкой закономерности, так как это больше артикуляционно-акустическое явление, благодаря которому семантика обретает другой смысл, хотя и близкий оригиналу: колотить – молотить. Это стремление мышления и языка дифференцировать понятия явлений.

Неизменяемость артикуляции и семантических признаков каждой из 12 фонем приводит к зарождению речевой основы. Это не просто гипотеза, а абрис семиотической конструкции, где форма звука несет в себе определенный смысл, сигнальная система, повторяясь в определенных ситуациях, становится коммуникативной.

Перекодирование фонем – развитие языка

В центральных областях России имеется большое число речных переправ под названием ПЛОТА. Часто они дополнены каким-то признаком: Ржавая Плота, Гнилая Плота, Долгая Плота и т. д. Деревянный ПЛОТ – средство переправы, БРОД – место переправы. Цель этих понятий одна: оказаться на другом берегу. Плот – плотность в отношении воды, брод – плотное дно. ПЛОТА – название места переправы. Случайно ли одинаковое число знаков и соответствие замены глухих фонем более звучными? Звонкие появились из потребности дифференциации явлений. Тогда получается, что слово БРОД – другое поколение понятия «плотность». По свойству были созданы понятия ЗАПЛОТ – СО-ПЛОТ – с плотностью, ПЛОТИНА – ПЛОТЕ-НО (СО) – «плотность носит», ОПЛОТ, где начальная фонема К утрачена: КО-ПЛОТ – к плотности. СПЛОЧЕНИЕ – это уже действие, создание плотности, создание свойства. ПЛОТ со временем получил новое понятие как плавучее средство, так появилось слово ФЛОТ. В латышском – PLOSTS – плот, BROAD – брод, в румынском – PLUTA – плот, BRUDA – брод. Признаки подобной фонетики есть и во многих других языках.

Эта метаморфоза дает повод для «обратного» эксперимента: звонкие согласные в слове ГУБЫ заменили глухими согласными. Как сказано выше, получилось КУПЫ, но так как О и Ы часто чередовались (ров – рыть, вой – выть и т. п.), то результат – КУПО. Вывод напрашивается явный: в русском языке предназначение губ было «заКУПОривать» рот, закрывать. СОВОКУПНОСТЬ – сведение в нечто близкое. КУПИровать – ограничивать. КУПИТЬ – отделить товар от общего. КУПЕЦ, СКУПОЙ, КУПЕ – все эти слова объединяет древнее семантическое единство.

До середины XVI века существовала в России такая единица административно-территориального деления, ограничения территории – ГУБА. Отсюда – ГУБЕРНИИ. Тот же термин издревле используется и для обозначения водоема, ограниченного от общей акватории: Обская ГУБА – залив, где купирется река Обь. В дельте реки Лены есть залив КУБА, тоже от КУПО, но заменена лишь фонема П на Б. В болгарском КЪПА – груды, скопление чего-либо, в словенском и венгерском КУПО – длиннополые пальто, в которое можно «купироваться», укутываться. В российских деревнях и сегодня маслобойку называют ГУБА, в ней происходит разделение молочных субстанций – масло купирется. Армейская ГУБА – тоже оттуда.

Рассмотрим слово, кажется, иной семантики – ГУБИТЬ, хотя того же звучания. Но и здесь первородное понятие исходит от глухой форманты КУПЕТЕ, то есть «закупорить», когда человек или животное перестают дышать. Архифонемы К, П заменены звонкими Г, Б, и появилось слово ГУБИТЬ, затем произошло усечение первой согласной – УБИТЬ, затем следующее сокращение – БИТЬ. В берестяных грамотах в слове «убить» есть смысл «сильно избить».

СКУПЩИНА (срб.) – СО-КУПО-СТЕ-НО – собрание, парламент. ЖУПАН (слвн.) – тоже парламент, здесь КУПО-НО – смена К на Ж. ГУЖ – КУПО – стягивающий ре-

мень в упряжке. Омонимы КУПО мешали друг другу, а потому происходило вариативное озвончение, можно сказать, механически, произвольно. Как видим, и КУПО – свойство. Часть понятий КУПО озвончилась, другая часть осталась от первосоздания.

Этот процесс и есть перекодирование. Создание новых слов на основе прежних – закономерность, точное совпадение с трактовкой В. Гумбольдта: «Понятие творения, – считал он, – можно было бы условно приложить лишь к периоду становления языка. Наблюдаемое развитие языка происходит постепенно, и всякое новое явление строится по аналогии, по образцу прежних [1. С. 314].

Открытие этого слоя языка предполагает перспективы дальнейшего математического моделирования по принципу типологии. К основному слою из 12 фонем прибавляется слой той же устойчивой лексики с одним и более озвонченными согласными. Например, слово СЕВОК по семантической аналогии образовало слово ЗЕВОК – то и другое «сетется», зевок тоже передается другим, множится. КуЗькина мать и куТькина мать – ценная сука в идиоме «Покажу кузькину мать!» (кутята – щенята), одна фонема изменила смысл. Замена звонких на фонемы из 12 дает возможность увидеть закономерность эволюционного развития алфавита и языка. Исследуя чередование фонем, ученый М. Б. Попов назвал его «историческим», так как началось оно в далеком прошлом. Он считает, что «озвончение» продолжается и в настоящее время [24. С. 13, 23].

Агглютинация фонем

Фонологическая структура языка, сочетаемость гласных и согласных, отмеченные Леви-Строссом, наглядно определены методом археолингвистики. Языковеды А. Мейе [18. С. 18], Р. Якобсон [31. С. 62] и другие подчеркивали, что все языки были слоговыми. Эта система наиболее пол-

но сохранилась в восточнославянских языках, в том числе в русском. Тем же математическим способом были выделены самые распространенные слоги, такие как ЛО, ТЕ, ТО и другие. Они помогли найти типовую семантику. Так сочетания ЛО оказались в основном в словах, отражающих все, что связано с живыми существами или предметами, к ним относящимися: чеЛОвек, ЛОшадь, гоЛОва, ЛОдка, весЛО, седЛО. На основе типологии составлена таблица устойчивых дифтонгов, или слогов, из которых складывались понятия. Две гласных не вошли, так как А – более поздняя – заменила О, фонема И означала двойственное число (впоследствии образовала множественное). Получилась система параллельных созвучий из семи согласных и трех гласных: ло-ле-лу, но-не-ну, по-пе-пу, со-се-су, ко-ке-ку, во-ве-ву, то-те-ту, сто-сте-сту. Звуковые конструкции из 24 сочетаний стали бинарной унифицированной системой речи. Каждое сочетание уже несло новое, закрепленное за ним понятие. Ограниченное число смыслообразующих звуков, схождение их в систему позволяло устному языку легко усваиваться поколениями и распространяться вширь. На уровне кратких понятий это уже было средство коммуникации, а значит, слоговой язык. Он, должно быть, существовал очень длительный период, так как мог удовлетворять человеческое общение.

Каждый слог получил определенный смысл: ВО – вхождение, воля; ПЕ – пелена, препятствие, защита, знак; ПУ – раздутость, выпуклость, пустота, взрыв; НУ – припуждение, произвол; СУ и КУ – признаки сужения, схождения; КО – приближение, направление; ВЕ – вращение, возвращение; ТУ – тугость, связка; ЛЕ – литься, лететь, то есть некое движение или протяженность; СО – совмещение; ТЕ – указание на признак любого неизвестного предмета... Здесь кстати сослаться на Аристотеля: «Слог определяется не как простое сочетание звуков, а как каче-

ственно новое образование» [1. С. 62]. Этот этап вправе назвать слоговым языком, который мог существовать сотни тысяч лет.

Типология показала, что все формообразования слогов начинались с согласных. Р. Якобсон пишет об этом как о константе: «Существуют языки, в которых отсутствуют слоги, начинающиеся с гласных, и/или слоги, заканчивающиеся на согласные, но нет языков, в которых отсутствовали бы слоги, начинающиеся с согласных, или слоги, оканчивающиеся на гласные» [31. С. 4]. А. Мейе определенно говорит об общеславянском языке: «Слоги были открытыми, т. е. оканчивались на гласную; ни одно самостоятельное слово не имело на конце согласной... равно как удвоенных согласных не было» [18. С. 18].

В русском словаре немалый пласт слов, начинающихся с гласных, – результат утраты согласных. Так, у слов, начинающихся с гласной, утрачена первая согласная К в сочетаниях КО, КОТЕ, КОПО, КУПО, где КО, отношение к чему-то, соответствовало нынешнему «как»: ОСТОВ – КО-СТО-ВО – к устойчивости. КОТО – толчок к движению: ОТ-КОЛОТЬ – КОТО-КОЛО-ТЕ. ОБ-ВАЛ – КОПО-ВОЛО – вал скопом. УПО-ВАТЬ – КУПО-ВОТЕ – вкупе, полностью войти (в положение). УРА! – КУЛО – кулак (угроза нападения).

Полногласие отражается и в берестяных грамотах: ВОЛОС – ВЛАС, РУБИЛИ – РУБЛИ... В наше время часто можно слышать от самых разных ораторов слово «скоко», вместо «сколько». Так как языки были слоговые, то все слова, начинающиеся сегодня с гласных, сдвоенные согласные «по дороге истории» растеряли «лишние» фонемы. Стремление к лаконичности привело к утрате гласных, к закрытому слогу, неполногласию. В этом видны следы эволюции.

Рождение слова

Следующий этап – сдвоение слогов, приведших к слову, та же агглютинация. Вот наглядный пример сотворения слова. Слог КО имеет смысл приближения (ко мне, к чему-либо), а слог ТО означает отдаление (ТОЛЕ – даль, ТОЛЕНА – длина, долина, ТОЛО – доля, ТОЛИКА – долька). КО плюс ТО образуют КОТО – одновременное понятие приближения и отдаления. При замене К на Х, Т на Д – ХОДО, нынешнее слово ХОДЪ – ход. Таков эволюционный путь этого ходового слова.

Первоначальный генотип КОТО вошел во многие смысловые конструкции языка. От понятия КОТО образовались слова: ГОД – КОТО – ход, ПОГОДА – ПО-КОТО – «полная» ходьба, поход и НЕПОГОДА – НЕ-ПО-КОТО – «не походишь». Термин КОТО – ХОД – знаковый. Передвижение – это одно из первых явлений, которому человек должен был дать название. Производное КАТИТЬ или КАТАТЬ могло появиться даже до изобретения колеса, когда приходилось перекатывать бревна, валуны. ХОТЕТЬ – семантическое ответвление, порыв к какому-то действию. Слово ВОДА – ВО-ТО должно быть тоже одним из первых терминов жидкости по свойству. Слог ВО и сегодня имеет смысл вхождения, ТО – далеко, куда-то (ср.: ТОНуть, где НУТЕ – принудительно, ТОНО – дно).

Так образовались генотипы-предикаты ВЕЛО, ВОЛО, КОЛО, КОНО, КОТО, КУЛО, ЛЕПО, ЛОПЕ, ЛОТО-ЛАТО, НЕСО, НОВО, НОСО, НУТО, ПУЛО, СОКО, СОТО-САТО, ТЕНО, СУТО... Сочетание СТО указывало на нечто стоящее, на вертикаль: СТОГ, СТОЛ, СТОЛЬ; СТЕ – постоянно-протяженное: СТЕПЬ, СТЕНА, СТЕЛЕТСЯ... Любое слово со СТО – СТЕ точно попадает в названную семантику разных языков. Все эти генотипы стали словообразующими, основой корневой системы, способствовали развитию полисемии, а также созданию аффиксов. Система слияния

фонем в слоги и слогов в слова соответствует теории агглютинации Ф. Боппа [1. С. 246]. Взаимодействие разных слогов рождало новые понятия, которые выражали процессы, признаки или функциональные особенности, а не предметы. Слова образовались не по форме, не по цвету, а по свойству. Мы и сегодня, забыв наименование предмета, не просим, например, включить серую штуку или квадратную машину, а просим включить то, чем печатает компьютер. И собеседник точно понимает – принтер. Образование слов по разным признакам предметов и явлений стало причиной разнообразия языков. Так КУСАТЬ по-болгарски – ХАПЯ от КОПО – копить, ср.: охалка, по-сербски – ГРИЗЕ – грызть, КОЛЕ-САТЕ – колоть-садить, МОЩЬ – НОСТЕ – мощь носит постоянно-продолжительно. МОЩНОСТЬ – НОСТЕ-НОСТЕ – мощь носит. В первой части произошла замена, так как понятие означало денотат, отличный от второй как части речи – нести. НАТАЛОМ (венг.) – мощь, КО-ТОЛО-ПО – к толочь полностью. МАГТ (дат.) – мощь, ПОКО-ТО (ср.: покорить). Протолингвистика помогает решить спор: что появилось раньше – имя или глагол? Наверное, дилемма больше соответствует выводу лингвиста А. Л. Погодина: «Язык начинается с синтеза, который не знает ни имен, ни глаголов» [23. С. 554].

Так мы подошли к рубежу, когда образовалось СЛОВО. Пришли к выводу, что вначале появились смыслодержущие, артикуляционные звуки – эмбрионы языка. Они стали его конструктивной семантической единицей, создав своего рода генный код речи. Слоговая система – следующий этап развития языка. Генотипы – предшественники слов. Слово – более позднее образование, устойчивое понятие, закрепившееся за предметом или явлением.

При всей научно обоснованной аргументации автора книги «Язык Адама» возникает недоумение, когда Бикертон началу протоязыка приписывает «слово» [3. С. 67]. Одна-

ко от Рубикона до слова была дистанция многотысячелетнего размера. Те, кто ищет начало языка в слове, совершают грубую ошибку. Слово – не первичная субстанция, а вершина развития языка. Бинарная агглютинация фонем, образующая слоги, и агглютинация слогов, образующая слова, создали современный язык.

Одушевленный слог ЛО

Открытие слоя языка из 12 фонем предполагает перспективы дальнейшего математического моделирования по принципу типологии – выделение слоговых сочетаний, которые образуют смысловые единицы, например, слог ЛО. Это звукосочетание имеет особое отличие. Странный факт: древние в наименовании частей тела включали этот слог ЛО. Какие-то ЛО слышатся и сегодня: че-ЛО-век, во-ЛО-сы, го-ЛО-ва, те-ЛО, са-ЛО, сЛО-во, пЛОть... Заложим в программу слова, содержащие ЛО, РО, ЛЕ, ЛУ. Кибер выдает еще: ЛО-коть, за-ты-ЛОк, ЛОб, гор-ЛО, гЛО-тка, ЛО-дыж-ка, ЛО-пат-ка, ЛО-но – грудь, а также: ребро – ЛЕ-ПО-ЛО, нутро – НУ-ТО-ЛО, бедро – ПЕ-ТО-ЛО, рот – ЛО-ТО, ладонь – ЛО-ТО-НЕ, кровь – КО-ЛО-ВЕ. Е или У появляются там, где части тела сгибаются, меняют форму: ко-ЛЕ-ни, го-ЛЕНь, рука – ЛУ-ка... ЛО есть в болгарском слове «нога» – КРАК – КОЛОКО. Как видно, закономерность не случайна: ЛО, ЛЕ, ЛУ выражали одушевленность.

Кроме того, машина выдала многие имена существительного животного мира, содержащие слог ЛО. Логово, где ЛОКО – зверь, ВО – входит; берлога – ПЕЛО-ЛОКО – укрытие зверя (ср.: пеленка). ЛОКО – ср.: лохматый, ЛОКОНО-СО – звереподобный. Белка, где ПЕЛО-КО – тоже покрытие, шкурка, название идет от практической ценности зверя, а не от цвета. Сочетание ЛО вошло в названия предметов, сделанных человеком. Эти вещи стали как бы его продолжением: креса-ЛО, вес-ЛО, сед-ЛО, пряс-ЛО, ЛО-пата, ЛО-

дка, ветри-ЛО – парус, барахЛО – ПОЛОКО-ЛО (ср.: пло-хо), крес-ЛО, сЛО-во, из берестяных грамот – писа-ЛО.

Слог ЛО означал все стихийное, произвольное, что было отнесено к «живым» явлениям, то есть и тут мы наблюдаем антропоморфизм: буря – ПУ-ЛО, пурга – ПУ-ЛОКО, пал (огонь) – ПАЛО, радуга – ЛО-ТУКО – живая дуга, свети-ЛО. Здесь мы видим зачатки религиозно-мистического сознания, когда человек обозначает нечто «живое», действующее, но непознанное. Мы и сегодня говорим: светаЛО, падаЛО...

Сопоставляя семантику ЛО, получаем вывод: смысл перешел на все «живое», что стало ассоциироваться с человеком, животным. Так слог ЛО оказался во многих словах как лингвистический артефакт первого понятия человека, стремящегося найти различие в природе, окружающем мире. Отсюда в русском языке образовался и средний род существительных, так как вещи, сделанные человеком, и стихийные явления нельзя было отнести ни к мужскому, ни к женскому родам.

Со временем где-то слог ЛО сохранился, где-то утрачен, где-то фонема Л перешла в Р. Лингвист А. Газов-Гинсберг заметил: «Плавные l и r чрезвычайно часто служат суффиксами в самых различных языковых семьях». Возможно, такая особенность обусловлена участием Л и Р в составе суффиксов и окончаний бывших ЛО, ЛЕ, ЛУ. Сохранились они в основном как составляющие морфемы слов. Вот начальные понятия, дошедшие до нас. Число СОРОК – СО-ЛО-КО (НО), где СО – с, ЛО – человек, КОНО – конец. С человеком конец. Срок жизни человека. СРОК – СО-ЛО-КО (НО). Можно проверить словом СРОЧНО – СО-ЛО-КО-НО. К чередуется с Ч (ловкий – ловчить, око – очки). ВЕК – ВЕЧНО – ВЕ-КО (НО), где ВЕ – вернуться, КОНО – конец, безвозвратность. СОРОЧКА – СО-ЛО-ТЕКО, где СО – с, ЛО – человек, животное, ТЕКО – обтекать. «Внутренняя

пленочка яйца, перепонка или пузырь, в коемом родится человек или многие животные» (В. Даль). Во многих языках это слово имеет понятие «кошель», «чехол»... Самое первое понятие рубахи: РУБАХА – ЛУПО-КО – к понятию «скорЛУПА». В статье «Пространство и текст» академик В. Топоров приходит к определению темы – антропоцентризм языка. «Очеловечивание» вселенского пространства через его связь с членами тела в таких примерах, как подножье горы, горный хребет, устье реки, глава горы, горловина и т. п. [28. С. 243]. Перенос названий частей тела человека и их функциональных свойств на окружающий мир подсказывает то, что язык начинался с самого человека, с применения признаков его составных частей тела.

Тень и день

Математическая модель понятий ТЕНЬ и ДЕНЬ дает возможность типологизировать эти словообразования. В базу данных вводятся корни слов ТЕН, ТН, ТИН, ЧЕН, ЧИН, ЦЕН, ЦИН, ДЕН, ДН. Методика возвращения фонем к исходному состоянию подсказывает, что понятие ТЕНЬ породило ДЕНЬ, а НО-ТЕ – нет тени – образовало НОЧЬ. Изучая разные понятия с корнем ТЕН, приходишь к парадоксальному выводу: изначальная семантика ТЕНЬ – это... СВЕТ. Тень была как бы его референтом. Для начинающих людей свет был невидим, а тень – видима. По тени определяли свет-день. Есть тень – светло, день. Болгарский этимолог П. Георгиев установил, что древнеболгарское слово ДЕНЬ означало СВЕТ. Хотя сочетание звуков ТЕНЕ было лишь кодами, протопонятиями. ТЕ не случайно названо местоимением. Оно означало то, что неизвестно, имени у этого неведомого явления еще не было. Термин ТЕНЮ в древности, очевидно, существовал очень долго, так как это понятие становилось многозначным, обрело обширную полисемию и стало нарицательным. Как, например, латинское

слово lux – «свет» – нынче имеет смысл «лучший». ТЕНО означал главное свойство предметов и явлений.

Примеров множество. ТЕМЯ – ТЕНО – освещенная «вершина» человека. Теменная земля – высоко расположенная пашня. ДЕНЬГА – ТЕНЕ-КО – отражение стоимости товара; ЦЕНА – ТЕНО – ясность; ЦЕННОСТЬ – ТЕНО-НО-СТЕ – свет носит постоянно-продолжительно (потому два Н); ТЕМНО – ТЕНО-НО – тени нет, значит, нет света; ПРИЯТНО – ПЕЛЕ-ЛО-ТЕНО – пелена, человек, свет: светлое окутывает человека; ОСЕНИЛО – КО-ТЕНЕ-ЛО – осветило; СОЧИНИТЬ – СО-ТЕНЕ-ТЕ – с освещением; ЧИН – ТЕНО – светлость; ОПТИНА (пустынь) – КОПО-ТЕ-НО – средоточие света; ОТТЕНОК – КОТО-ТЕНО-КО – приближение к свету; СЕДИНА – СЕ-ТЕНО – светлая, ЦЕНТР – ТЕНО-ТОЛО – середина дали, дороги, расстояния; СЕРЕДИНА – СЕЛЕ-ТЕНО – светлое место.

В и. е. языках корень слова «середина» – mit, mid. В итал. это слово meta. В норв., дат. – midten, швец. – mitten. Как видим, первая часть «мета, метка», вторая – ТЕНО. В одних осталась первая часть, в других – обе части. Есть греческое слово «симметрия», где в древности была приставка SYN. ТЕНО – свет и МЕТР – ПЕ-ТОЛЕ, где ПЕ – знак, препятствие, ограничение, ТОЛЕ – даль, дорога, расстояние. Звучит примерно так: светлый знак (мета) расстояния. ПЕСНЯ – ПЕСЕНО – ПЕ-ТЕНО, где ПЕ – знак, ТЕНО – свет, светлый знак, настроение... ТИН – этрусское слово означает «солнце», а также «верховное божество». ОДИН – скандинавское верховное божество – КО-ТЕНО – к свету, солнцу. По норманнской мифологии Один разделил день и ночь. Если допустить, что в египетском языке в слове АТОН произошла замена Е на О, то египетское божество тоже от понятия ТЕНО – КО-ТЕНО. Библейское слово ЭДЭМ имеет разные окончания – на Н и М, но в латыни – ЭДЭН – КО-ТЕ-НО – светлое, особенное. В Уруке (южный Ирак) были най-

дены некоторые шумерские надписи с встречающимся в них словом «рус». Это слово тогда означало «светлый», или «русый», в отличие от слова «черноголовые», как шумеры называли сами себя.

Многие слова, оканчивающиеся на ТЕНО, отражают особенность субъекта: ПАЛЕСТИНА – святая земля. Гора у перевала Дятлова ОТОРОТЕН на языке манси КО-ТО-ЛО-ТЕНО – дорога к свету, святилище. Есть предположение, что ИМЯ – тоже ТЕНО. Слово РОДИНА – ЛО-ТЕНО – свет человека. ЭТИМОН – КО-ТЕНО – к свету, к истине. Откуда слово ЗИМА? Есть резон предположить, что это древнейшее слово. Если его перекодировать, то получится СЕНО, С на Т – ТЕНО – светлая, белая, цепь замен: З – С – Т, И – Е, М – Н, А – О – все в соответствии с общим принципом перекодирования. Откуда в языках знойных стран – др. инд., эвест., греч. – слово ЗИМА? Возможно, «светлая», «белая» – были общим понятием. Так в шумерском письме знак «солнце» означал свет, тепло, день, белизну. Миграция таких слов говорит о едином источнике понятий. Ни одно слово не упало из небытия как снег на голову. У каждого есть своя родословная. Не исключение – и слово ЗИМА. Если оно сохранилось во всех балто-славянских языках без заметного различия, то, значит, оно старше всех, выходит, что оно отражает какую-то древнюю значимость, которая была для всех одинаковой. Но могло ли слово остаться совсем неизменным тысячи лет? Конечно, оно подверглось общим закономерным изменениям. Первая фонема З – результат озвончения согласных. Предшественником этого звука могла быть архифонема С из базисного слоя лексики: ЗИМА – СЕНО-ТЕНО. Оно отражает природное свойство не по качеству погоды, а по общему признаку, который мог быть изначально в общем языке. Миграция таких слов говорит о едином источнике понятий. Однако в языке, в прибалтийских и других (Фасмер) слово НОЧЬ

с корнем покт. Здесь возможна семантическая дивергенция от понятия НО-КОТЕ – не ходить.

Эти понятия определяют наше отношение к ним, но они не всегда могут совпадать с доисторическими, наша логика не адекватна логике людей каменного века. Надо влезть в шкуру проточеловека, чтобы понять его, а не присваивать ему сегодняшнюю задубевшую лексему. Накладывать лекало нынешних понятий на древние и по ним кроить историю – большая ошибка любых историков. Это был мир другой, другая планета.

Русь и люди

В испанском, норвежском, португальском понятие «свет» – *lus, luz*, в латинском – *lux*. В русском ЛУЧ – суженный свет. Но есть еще источник света – ЛУЧИНА. В латинских и греческих древних письменных источниках РУСЬ называлась РУТЕНА, есть даже минерал РУТЕНИЙ – русский. Если Р заменим Л, то получится ЛУ-ТЕНО. Л переходит в Р, а Т переходит в С. И выявляется слово РУСЕ-НО. Отсюда – РУСЬ. Не случайно называли «светлая» или «святая» Русь. Источник названия Руси – источник света ЛУЧИНА. Неисповедимы пути истории слов. Мы не можем точно утверждать, что понятие ЛУЧИНА отражало понятие горячей тонкой длинной щепки. А какое могло быть освещение жилищ до свечи, до керосина, до газа, до Эдисона?.. Отголосок руси-света долетел до нашего времени. В словаре В. Даля есть такой пример: «Все вывела на русь, распахнула душу, все высказала». «На русь». Даль считал, что вывела все «на мир». Недавно в интернете оказался небольшой рассказ человека, который попал к старым родственникам в дальнюю деревню и услышал такую фразу от своей бабки: «Как вынесла цветок на русь, он сразу ожил». Внук удивился и переспросил: «Куда вынесла?» – «На русь», – повторила баб-

ка. А дед уточнил: «Ну, на свет!» Для них русь и свет – синонимы. Значение слова, застрявшее во времени. Слово РУСЬ – из света возникшее. Допустимо здесь и такое предположение: в слове «финн» заменим более позднюю фонему Ф на Т, И на Е и тоже получим ТЕНО – Н (ОСО) – свет носит. Если слово ЗИМА – ТЕНО – светлая, то имена обеих стран от одной этимологии, от ТЕНО – свет, белизна. Это более логично, чем один из примеров Фасмера: финн., гот. – fanī – грязь. Так же как у него славяне – слив, клоака.

Слова ЛУТЕНО и ЛУЧИ высвечивают еще одно емкое слово: ЛУТИ – ЛЮДИ, старославянское ЛЮДИНЪ – ЛУ-ТЕНО. Но почему слово ЛЮДИ имело и имеет только множественное число? Здесь могло быть сочленение: множество в единстве. Единое солнце – множество лучей, одно полено – множество лучин. Случайность в языке – исключение, все имеет свою логику. У – сужение. Значит, эта фонема сужает понятие от общего ТЕНО, значит, понятие ЛУТЕНО воспринималось как одно из многих лучей света. ТЕНО означало свет вообще, а дифтонг ЛУ мог означать «часть» света. Эти слова высвечивают сложные повороты мышления проточеловека.

Впервые археолингвистический метод применили болгарские ученые Софийского университета библиотековедения и информационных технологий в разработке темы культурной антропологии. Их интересовало непонятное название «нестинар» – древнейшего обычая хождения босиком по горячим углям, и они предложили дать толкование слова методом археолингвистики. Реконструкция выявила понятие: НЕСО-ТЕНО-ЛО – нести свет человеку, т. е. очищение огнем, что является предшественником или аналогом древнейшего обряда прыгать через пламя костра в день Янко Купала.

С помощью археолингвистики вскрываются не только языковые, но и исторические явления. В развитие теории

культурной антропологии философ, академик, профессор названного софийского университета Александра Куманова так же, как и Леви-Стросс, привлекает факты языкового анализа. Так в ее работах появилась лингвистическая теория протолингвистики. Она была переведена на болгарский язык. По предложению Болгарской академии наук под патронажем Академии информатизации ООН академик А. Куманова возглавила первую экспедицию поиска следов протоарийской цивилизации в Карелии и на Урале (Арким). В монографию по этой теме она включила лингвистический блок протолингвистики, в котором реконструированы слова топонимики Крайнего Севера и Сибири. О нем так отозвался рецензент академик А. И. Субетто – доктор философских наук, президент ноосферных наук, полный профессор Оксфорда: «Лингвистический блок монографии – взгляд Леонида и Владислава Писановых и Николая Василева (болгарский лингвист) на праязык – прослеживает связь славянского языка с языком праисторического человека на территории России» [14. С. 174]. Так протолингвистика помогает проникновению в глубины истории.

Архаика арктической лексики

На просторах Северного Ледовитого океана сохранилась лексика, которая кажется странной, немотивированной, занесенной неизвестно откуда и кем. АРКТИКА, МАТОЧКИН ШАР, КАНИН НОС, КОСТИН НОС, ОБЬ, ОБСКАЯ ГУБА, КАРСКОЕ море, КОЛЬСКИЙ полуостров...

АРКТИКА. Достали из мифологии версию о созвездии Большой Медведицы и пришили ей появление слова «Арктика». А в древности был простой примитив: АРКТИКА – КОЛО-ТЕКО, где КОЛО – холод, ТЕКО – течение. Просто люди знали, откуда идет холод, – и только. Много ли людей знало о Греции, тем более о ее мифах? Совпадение со словом *arktos* – медведь – вызвано от хищника КОЛОТО-СО,

где КОЛОТО – колоть, грызть. Слова распространились не от частных признаков, а от всеобщих.

Откуда у пролива острова Новая Земля странное название Маточкин Шар? Археолингвистическим методом определяем семантическую сущность этого имени. В архангельском диалекте до сих пор бытует имя острова – МАТКА, но это слово соотносится с понятием МАТЕРИК, которое подразумевает основную часть суши в отличие от Мирового океана. Однако Новая Земля – остров, а не материк. Слово МАТКА – синоним многим словам: мать – чрево, в котором вынашивается ребенок, главная балка в избе, на которой держится весь потолочный накат... Как видим, понятие «мать», «матка» – от понятия «носить». О женщинах говорят: «На сносях», «Выносила». Ср.: natus (лат.) – рожденный, выношенный: НОТО – НОСО. Откуда в слове ВЫНИ-МАТЬ однофонетическое МАТЬ? ВО-НЕ-НОТЕ – ВО-НЕ-НОСЕ – выносить, чтобы не носить, то же, что и ВЫ-НОСИ-ТЬ. Как видим, слово МАТЬ точно совпало и фонетически, и семантически с понятием «носить».

В слове МАТКА заменим М на Н, А на О, Т на С и появится тоже слово НОСКА, а если учесть слоговое происхождение НОСО-КО – то, что носит. МАТЕРИК – НОСЕ-ЛЕ-КО, где ЛЕКО то, что льется, водное окружение (замена Р на Л, как и река – ЛЕКО). Это древнейшие понятия, когда в алфавите не было ни М, ни Р, как и ряда других звуков, появившихся в процессе эволюции языка. Земная твердь НОСИТ человека. Водная стихия такого свойства не имеет. Это одно из четких различий земных реалий, одно из представлений человека о свойствах неведомых стихий, то самое очеловечивание. Таким образом, МАТОЧКИН – от понятия МАТКА – НОСОКО – носящая твердь.

Как же ШАР попал в полярные широты? Он никак не вписывается в логическую основу ни по фонетике, ни по семантике. За неимением других объяснений многие

этимологи стали считать ШАР – это пролив. Но Ш – фонема поздняя в алфавите, заменившая С (типичная замена: СТЫК – ШТЫК). Тогда ШАР – САР – СОР. На примерах убеждаемся, что в доисторическом языке понятие СОР имело многозначный смысл различного отрицательного свойства. ПОЗОР – ПО-СОР – «полный» сор (ср.: помет), ССОРА – с сором, ЗЛО – СОЛО. И сегодня говорим: «Сорная трава». Во многих славянских языках ПОЗОР – уведомление, предупреждение об опасности. У входа в пролив большое нагромождение скал, камней, которые создавали помехи мореходам, потому был отмечен СОР как знак предупреждения, затем СОР преобразился в ШАР. Так образовался Маточкин Шар. На Алтае есть Горная Шория, рельеф которой, как утверждают геологи, «образовался в результате длительного разрушения пород». Тоже скальный «сор». По местности жителей Шории называли шорцы, но никак не наоборот.

Таинственный топоним – КАНИН НОС. Почему НОС? Ведь все подобные выступы в морской акватории называются по-русски МЫС. Исследуя этимологию слова МЫС, М. Фасмер пытался найти подобия в других языках, но не нашел. «Неясно», – отметил он. Между тем в болгарском и македонском языках мыс любой конфигурации называется НОС. Так что Канин Нос – не исключение. Значит, исключение – МЫС. Здесь требуется замена М на Н, Ы на О. Вполне логично, что НОС – первородное слово от понятия НОСИТЬ. (Есть русское присловье: «Как земля таких носит!») Слово «земля» – другого способа образования: ТЕНО-ЛО. А изначальное понятие земной тверди воплощалось в понятии НОСО – носить, то, что носит, в отличие от водной зыби.

Рассмотрим непонятное слово КАНИН. В нем тоже заменим фонему А на О: КОНЕ, а это в прямом смысле «конец, окончательность»: КОНЕ (чеш.) – конец. Суффикс ИН – более

позднее образование. В нынешнем выражении получается КОНЕЧНЫЙ МЫС, что соответствует факту: это самый крайний выступ материка в океан, а его название НОС – в русском языке безусловный лингвоархетип. Подтверждением служат и другие мысы-носы в той же акватории, так КОСТИН НОС приобрел название не от имени человека, а от понятия КОСТЕ – подводные рифы, то есть твердые препятствия. Поморы давали названия по существенным признакам для ориентировки на местности и предупреждения другим. Плечо человека могло называться тоже НОСО – носящий, затем МЫС, так как есть слово ПОДМЫШКА – под мысом. МЫШЦА – тоже носящая.

ВАЙГАЧ – непонятный для этимологии топоним. По методу археолингвистики гласный Й заменяем ЛО (кайло – КО-ЛО-ЛО и др.). ВАЙГАЧ – ВОЛО-КОТО, где ВОЛО – волочь, КОТО – ходить. Передвигаться волоком. С определенной долей вероятности такой смысл названия допустим, если учесть ландшафт острова, как сказано в словаре В. Даля: «Наносный, намывная мель, наволочный берег». Слово ВАЙГА в архангельском диалекте – проход для судов, русло, ворота – ВОЛОТО. Понятие ВОЛО можно истолковывать как первородное ВОЛЯ (ср.: волхвы, волшебно). Первые исследователи острова нашли здесь святилища, множество идолов. Все это дало повод толковать остров как самую древнюю цивилизацию, его называют даже Большой порт ариев, реликт Гипербореи. Так остров ВАЙГАЧ превращается в территорию мифов.

ОБЬ И ОБСКАЯ ГУБА. Первоначально название реки ОБЬ – КОПЕ – скопление, так как в нее впадает более 160 тысяч рек и ручьев. Фонема К утрачена, а звук Б заменил П. ОБСКАЯ ГУБА – КУПО, где КУ – сужение, ПО – полностью или плотно (об этом было сказано выше). Река Обь впадает в Карское море, образуется залив, который и назывался КУПО – где «купируется», собирается река, так

же названы: Онежская Губа, Двинская Губа. Слово УСТЬЕ тоже ассоциируется со словом УСТА – губы, болг. – рот. В языках и. е. ареала устья рек названы по понятию «рот». MOUTH (анг.), SUU (фин.), а также AM (монг.) – и рот, и устье реки. Это древнейшее совпадение понятий говорит о едином принципе их возникновения, исходя из общих реалий.

КАРСКОЕ море. Топографы склонны считать, что название этого моря происходит от речки КАРА, впадающей в него. Откуда тогда название речки? Но фонема Р сменила Л, А на О. КАРА – КОЛО – холод, колочий. Карское море считается самым холодным в акватории океана (БСЭ). А речка Кара почти весь год покрыта льдом. КОЛЬСКИЙ полуостров КОЛЕ-СОКО – горный.

ТАЙМЫР. Общее древнее толкование ТОЛО-НОЛО – край темноты. ТОЛО – даль, сторона. Древние олицетворяли темноту НО-ЛО – нет человека, его не видно, значит – темно, пусто, ноль.

История одной буквы Тайна забытых слов

ЗГА. Что это такое? «Не видно ни зги», «згой» в некоторых диалектах называли искру. На Дону она была «згрой», в Рязани – «згинкой». Остаток слова ЗГА тоже может что-то сообщить. Заменяем звонкие глухими – СКА. Ничего не говорит. А если ЗГРА, то СО-КОЛО. Мы подошли к разгадке. СО-КОЛО, где КОЛО – огонь, с огнем. А что с огнем? ИСКРА. Это обычный прием в праязыке: не сам предмет, а к нему, к огню. К этому осколку слова ЗГА мы привинтили недостающие фонемы. Получилась логическое К ОГНЮ. Те, кто видел сквозь ЗГУ слово ИСКРА, оказались дальнораче. А те, кто не видел даже кольцо на дуге лошади, значит, не видел ни зги.

Авось

АВОСЬ – сколько копий сломано об это слово! А мишень остается нетронутой. MAYBE (анг.). Авось – может быть. Но это значение слова в других языках.

Слово «авось» настолько загадочное, что чуть ли не каждый известный лингвист или словесник высказывался о нем: В. М. Мокиенко, А. А. Потебня, В. В. Виноградов и др. Как пишет лингвист Е. Березович в книге «Язык и традиционная культура» (этнолингвистика), «“авось” – ключевое слово русской языковой культуры». Это признают и филологи, и культурологи. В той книге история его изучения занимает целых семь (!) страниц.

Так что же это за таинственное слово АВОСЬ, которое не могли разгрызть зубы лингвистики?

И только археологии в словонаслоении оно оказалось по зубам. Не сразу оно раскрывало свою тайну. Но закономерность методических приемов помогла докопаться до истинного имени от рождения этого слова.

Начнем с того, что, как сказано выше, с гласных слова не начинались. Значит, фонема А не есть начало слова. Все слова на А имели в праязыке КО. АПТЕКА – КОПО-ТЕКА – копить и расходовать. КО-ВОСЕ. Фонема С чередовалась с Т. КО-ВОТЕ. Т озвончилась Д. Получилось К ВОДЕ. О чем эта расшифровка говорит? Прежде всего – о древности этого понятия, когда язык только начинался и не было звонких согласных. Не надо нынешние понятия приспособлять к ископаемому слову АВОСЬ. Проверка аргумента с водой: останется на поверхности или потонет. «Милый, смотри, василек твой поплывет, мой потонет» (из песни). Было такое верованье: если потонет, значит, человеку сулит гибель. Человек бросается в воду, чтобы переплыть реку. Он это делает с гарантией или на авось. В этом слове заключено понятие «риск», или «житейская мера риска». К воде нести свой аргумент: утонет он или нет, выдержит

он или нет. Вот выбор между «да» и «нет». Авось мы вас убедили.

Ложить и положить

Слово ЛОЖИТЬ упрямо лезет в словарь. А грамматика сопротивляется: нет такого слова «ложить»! А оно нет-нет да и выскочит. Чем же не угодило оно нашим грамотеям? Положить можно, а ложить нельзя. Что за пропуск ПО?

Это уникальное слово. Запрет на него идет с немыслимых времен. Мы даже не можем представить, с каких! Когда еще не было слова «человек». Его величали односложно, то есть одним слогом – ЛО. По методу археолингвистики вместо Ж было через З к С. ЖИТЬ – СЕТЕ, оседать. По древней логике слово получалось такое: человек «ложит» не что-то, а самого себя. Это была нелепость, человек клал самого себя: ЛО-СЕТЕ. ПОЛОЖИТЬ – ПОЛО-СЕТЕ – заполнить пустоту любым предметом. Потому и не было такого слова «ложить», что было и предкам смешно: ложить, то есть класть самого себя.

Однако само по себе понятие ЛОЖИТЬ не вызывает отторжения, оно просится в словарь. А древнейшая традиция все еще встает преградой. Уже не естественно, а искусственно. Может быть, открыть ему ворота в наш язык? Традиция устала. Все-таки слово свое и древнейшее, родное с другими однокоренными собратьями: положить, уложить, сложить. И главное – оно несет ясный и точный смысл: несовершенный вид глагола – однокоренное «ложить».

Дубина стоеросовая

Слово «стоеросовая» тоже в головокружении догадок и домыслов.

Общеславянское слово, восходящее к индоевропейской основе egh – колоть. Так объясняют словари. Это слово приводит к понятию ИГЛА. Методом археолингвистики:

ПЕ-КОЛО – препятствие колоть или признак колючего. Но это другая фонетика по отношению к СТОЕРОСОВАЯ.

Первая часть слова СТО – стоять, вторая – ЕРОСОВАЯ, что никак не поддается осмыслению современным умом. С гласных слоги не начинались. Значит – впереди должна быть согласная. Фонема Р была Л. ЕРОСО – ЕЛОСО. Далее идет окончание. Привлечем близкозначные слова: ЕРОШИТЬ – взлохмачивать волосы, ЕРШ – колючая рыба, ЕРШИСТЫЙ – колючий. Понятие должно соответствовать слову ЕЖ. Но такого слова в праязыке не было. Перевод дает лишь окончание ОС. ЕРО-СО. Одна из тайн преобразования фонем и их переосмысления. ЕЖ – broddgelti (ислд.) – колючие волосы, Σκαυτζόχοιρος (грч.) – свинья-дикобраз. Есть и такое: ЕЖ – лохматая свинья. Конечно, это такой странный перевод, возможно, колючая, но лохматой бывает только шерсть, хотя и то не у свиней. В древнем языке не было четкого распределения смысла каждого предмета, о них могли судить только в сравнении. Колючки были те же волосы. Это были тоже волосы, но оригинальные, колючие.

Здесь к месту ВЕЛОСО – ВОЛОСО (ВЕЛЕС – бог скота). Весь логический комплект ведет к понятию ВЕЛОСИТЬ, или ВОЛОСИТЬ.

СТО – стоящие, ЕРОСО – ВЕЛОСО – волосы: стоящие волосы, взъерошенные. Если бы имелись в виду именно колючки, то зачем СТО – стоящие? Они и так стоят. ВОРС – ВОЛОСО. ЕРШ – ОЛОСО – волосо. ДУБИНА – ТУ-ПЕ-НОСО – тупость носит.

ДУБИНА СТОЕРОСОВАЯ – древнейший эпитет, фразеологизм. Его невозможно перевести на нынешний язык, так как слова ЕРОС в нынешнем словаре нет. Нельзя перевести и слово ЕЖ, от него осталось только окончание, остальное потеряно по дороге истории.

Вон бежит собака!

Без метода замены 12-звуковым лотом слово СОБАКА так и останется неразгаданным. К этимологии слова СОБАКА академик О. Н. Трубочёв привлек, можно сказать, огромный исследовательский материал, самых разных ученых-языковедов. «Иным образом не могли объяснить присутствие в языках восточных славян этого слова, столь отличного от индоевропейского “куон”», – пишет Трубочёв. Он дает всесторонний анализ этимологии слова, обоснованно отвергая многие версии, настаивая на его славянском происхождении. Он приводит сведения археологов, которые находят достаточно доказательств, что в местах обитания славян в Восточной Европе первым из домашних животных была собака. Чем дальше в глубь веков, тем меньше вероятности заимствований. Археолингвистический метод подтверждает древнейшее происхождение слова «собака». СО-БА-КА – СО-ПОКО. Это слово могло подразумевать понятие СОПОКРОВИТЕЛЬ. Но есть еще одно веское предположение: первоначально звучало СО-ПО-КОНО – с полным покоем, так как она караулила покой хозяина. НО утрачено, осталось СОПОКО – собака. Подтверждение этой этимологии – слово ПЕС. Его тоже склоняли по-разному, например от слова «пестрый». Но Е чаще осмысляет фонему О. ПОСО – пасти. Рас (босн.) – собака. Именно это предназначение собаки: всегда стоять на посту.

Мировой переполох

С полярного аэродрома поднялся огромный самолет ТУ-95 и направился в сторону Новой Земли. Выглядел он несколько необычайно: у него внизу выпячивало брюхо, будто у беременной суки. Это была водородная бомба с зарядом в 500 мегатонн. Затем самолет «разродился», создав взрыв, волна от которого трижды обошла земной шар. Именно эту бомбу имел в виду генсек Никита Хрущёв, когда пригрозил:

«Мы вам покажем кузькину мать!» Как писали газеты, упоминание советским генсеком кузькиной матери и непонятность этой идиомы на английском языке вызвали переполох. Всех интересовало: кто такой Кузька и что за такая грозная его мать? Но и переводчик не мог ответить на эти вопросы, кроме того, что объяснить смысл угрозы. Ранее этот фразеологизм был в активе русской речи, но в контексте угрозы миру он приобрел особое внимание. Как же объясняют происхождение его? Ученые и неученые. Это от какого-то вредного жучка, который даже не всем известен, и при чем тут его мать-личинка? От какого-то грозного Кузьмы и даже от Кузьмы Минина и его матери... Словом, подгонки под имя Кузька, хоть какие-то объяснения хромают на обе ноги. Во-первых, пословицы и поговорки создавались не сами по себе, а на основе общих представлений, которые могли все знать. Во-вторых, эти жемчужины речи служили каким-то общим нравственным критериям, моральным устоям.

Куче (блг.) – КУТЕ, КУСЕ – собака, kutyа (внгр.), σκύλος, κουτάφι (skýlos, koutávi, грч.) – собака и щенок, hund (дат.) – КУ-НОСО. Значит, КУ – основа. К нему можно только отнести понятие КУСАТЬ. Skýlos (грч.) – СО-КУ-ЛО (ску-ло) – сжимающие. 狗[gǒu] (кит.) – ГОУ – КОУ – КУ. Hund (нрв.) – КУ-НОСО. Chien (фрц.) – ЩЕН – собака. कुत्ता, kutta (хинди.) – собака. Как не трудно убедиться, КУТЕ – собака, потому и по-русски щенят звали КУТЯТА. Это слово знаменательное.

Можно убедиться, что слово СОБАКА на разных языках начиналось с КУ, в болгарском это КУЧЕ – КУТЕ. В русском языке словом КУТЯТА называли щенков собаки. И теперь представьте такое: сука со щенятами, и попробуйте к ней подойти, если вы незнакомый для нее человек. И когда воры пытались пробраться на подворье, хозяин кричал: «Я вам покажу кутькину мать!» Одна согласная Т, перешедшая в З, создала международную загадку. Именно благода-

ря своему образному выражению и экспрессивности выражение стало крылатым.

И в итоге руководитель государства был полностью прав, употребив эту идиому. Если бы он спустил кутькину мать с цепи, то мы бы жили в другом мире, а может быть, и на другом свете. Так что поговорка сработала, и кутькина мать разродилась на Новой Земле, а не над небоскребами Нового Света.

Добрые боги славян, Перун

Это имя встречается во многих славянских языках. Ему в словаре М. Фасмера отведено полторы страницы, где имеются толкования слова с самых разных языковедческих точек зрения. Перун как имя собственное встречается в древнечешском, болгарском, в топонимах Боснии, Хорватии, Словении. Больше всего оно привлекает внимание как имя верховного божества Древней Руси. Ему приписывают характер Зевса-громовержца. Но, как убеждает археологический анализ, славянские боги несли в большей степени не кару, а защиту для человека. Конечно, Перун был с громом и молнией, но они для людей не были главными. От молнии страдают единицы, от засухи – все. Это имя реконструируется так: ПЕРУН – ПЕ-ЛУНО, где ПЕ – защитник, покровитель, ЛУНО – живот. Слово «луно» в значении «живот» встречается в диалектах (Костр. обл. Фасмер). Можно определить это значение и параллельным словом: ЛОНО – грудь, ЛУНО – живот, тоже часть тела, сужающаяся книзу [11. С. 326]. По сути, Перун – защитник живота – это туча. Она несла плодородие. Синоним толстого человека – тучный. Тук – жир, сало, ср.: курдюк – КУЛЮ-ТУ-КО – «кулак» сала, средоточие жира. Да и сама туча – тучная. Но главное – тучные хлеба, тучные стада. Именно этого ждали люди от Перуна, от грозовой тучи, несущей влагу. Моление Даниила Заточника: «Обрати тучу милости твоя

на землю худости моя». Историк С. Соловьев: «Свет молнии сопровождается обыкновенно живительным для природы дождем – отсюда представление, что Перун ниспосылает дождь жаждущей природе».

Янко Купала

Древний языческий обряд: в день Янко Купалы (в русском варианте Ивана Купала) прыгать через костер. И все-таки ЯНКО – не случайно. Типология показала, что фонема Я заменила бывшее ЛО – человек, НКО – НОКО – нога, ноги. ЛО-НОКО – ноги человека. КУПАЛА. КУ – сужение, ПАЛО – пал, огонь. КУ-ПАЛО – куча огня, то есть костер. Кстати, в слове КОСТЕР – КО-СТО-ЛО – к стоянию, то есть дровяная кладка, поленница, но огонь в этом понятии отсутствует. «Кострами» и сегодня шахтеры называют кладку бревен для поддержания кровли забоя. Не исключено, что первое исполнение обряда – хождение босиком по горячим углям. НОГИ и ОГОНЬ – составляющие понятия этого обряда, он стыкуется с другим обычаем – НЕСТИНАР (блг.).

НЕСТИНАР. В Болгарии сохранился древний обычай НЕСТИНАР – хождение босиком по горячим углям костра. Он включен в список всемирного нематериального наследия ЮНЕСКО. Название обычая непонятно. По просьбе болгарских ученых предложен протолингвистический вариант: НЕСО-ТЕНО-ЛО – нести свет человеку [10. С. 152]. Обряд Янко Купалы – общепланетарный, но в наиболее древней форме он остался лишь в одном из дальних мест Болгарии как реликт. Эти обычаи выражали языческую веру в очищение огнем.

ИДОЛ. Не произвольно, а согласно методу реконструкции ищем начальную суть слова ИДОЛ. Подбираем первую согласную П и заменяем Д на Т, И на Е. Получается ПЕ-ТО-ЛО, где ПЕ – препятствие, знак, ТОЛО – дорога, путь. Расшифровано как ЗНАК на ДОРОГЕ, то есть предупреждение

о том, что на дороге препятствие: река, обрыв, завал и т. п. Со временем для новых поколений этот указующий знак в виде изображения мог обрести сакральный смысл. Однако это простое толкование слова было поколеблено, когда реконструкция слова МИТРА дал другой, более объемный смысл слову ИДОЛ.

МИТРА. Митраизм – распространенная религия древности. Исследования болгарских ученых А. Кумановой, М. Куманова реликтов этого верования в Средней Азии, в Иране дают широкую картину его бытования, в основе которой – поклонение солнцу [журнал «Митра», № 10, СПб., 2009]. А поклонялись ли Митре на территории древней Руси? Как рассказывает академик В. Иванов в лекции о границах распространения митраизма в работах В. Топорова (интернет), князю Владимиру в числе других религий предложили и митраизм, даже был выставлен идол Митры. Ближайшие к Руси археологические находки, отражавшие поклонение солнцу, были найдены в Крыму. Применяя археолингвистический метод, фонему М заменяем П, И – Е, между Т и Р ставим О. Получаем тоже ПЕ-ТОЛО. Знак дороги. Это по смыслу нынешних узких представлений. Но слово «знак» мог означать и звезду (знаки зодиака), а Солнце тоже было одной из небесных знаков-звезд, но оно одно из всех звезд освещало дорогу, путь в широком смысле. С полным основанием можно сказать: Солнце – это и есть ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА. ИДОЛ И МИТРА – слова единого происхождения. Значит, митраизм был глобальной единой верой, в том числе и славян.

У топонимов – крепкая память

СУЗДАЛЬ – СУ-СО-ТОЛЕ, где СУ – сужение, СО – с, ТОЛЕ – даль или дорога (значение ТОЛЕ было многоплановым). Сужение дали. Как заметил в переписке академик Н. Н. Казанский, надо учитывать и исторический аспект:

в Новгородской Псалтыри начала XI века упоминается СУЖДАЛЬ. Меткое замечание. Это звучание еще больше подтвердило: понятие с фонемой Ж тоже СУЖЕНИЕ ДАЛИ, или схождение дорог, торговых путей. То, что это слово не заимствовано, подтверждает... норманнский источник. В книге Т. Н. Джаксон «Древнерусские топонимы в древнескандинавских сагах» отражены сведения о торговых связях норманнских соседей с Суздальским княжеством. Слово «Суздаль» толкуется по-разному в скандинавской транскрипции: *Surdalar, Surltsdalar, Syrgisdalar...* Как утверждает автор, вторая часть слова «даль» совпадает с *dalar* – долина, а первая часть так и осталась непонятной [9. С. 155]. Значит, слово выражает понятие: сходящиеся дали, или все дороги ведут в Суздаль.

КИТАЙ-ГОРОД, КОТОРОГО НЕ БЫЛО. Бытует топонимическая несуразица: в Москве центр города называется Китай-городом. Это искаженное КЕТО-КОЛОТО, где КЕ – крепко (крепость – КЕ-ЛЕПО-СТЕ, где КЕ – крепко, ЛЕПО – лепить, СТЕ – длительная стойкость. По Зализняку: КЕЛО – цело, крепко [11 брст. гр.]. ЧЕРЕП, ЧЕРЕПАХА – КЕЛЕ-ПОКО – крепкое покрытие), КОЛО-ТО – укрепление кольями, столбами с заостренными вершинами. «Кетами» называли большие корзины, которые набивались камнями, ставились в крепостную стену и огораживались кольями – исторический факт. Это был первый защищенный центр Москвы (КИТЬЕ (астрх.) – тоже большие кули с камнями, укладываемые в плотину). Так что правильнее – КЕТОГОРОД, или КЕТОГРАД.

БАЛАТОН – слово от понятия БОЛОТО – ПОЛО-ТОНО, где ПОЛО – полое, ТОНО – дно. Пустое дно. Топоним сохранил звук Н, а слово БОЛОТО ее утратило. Местность болотистая, озеро большое, но мелководное.

БАЛКАНЫ – КОЛО-КОНО, где КОЛО – горы, КОНО – ряд. Горный ряд, или горная цепь. Здесь присутствует заме-

на К на Б (подобно БОРОТЬ – КОЛОТЬ, БОЛЕТЬ – КОЛЕТЬ, БОР – КОЛО). В горной Турции есть село КОЛКАНЫ.

ВОЛГА – ВОЛОКО – от понятия «волочь», то есть тянущая, мощная, судоходная, годная для сплава. Название по свойству, функциональной особенности. На берегу Волги есть старинное селение ПОВОЛОКИ.

БРЕСТ – ПО-ЛЕСТО, где ПО – сплошь, ЛЕСТО – лес. Топоним в слове БРЕСТ сохранил Т, а слово ЛЕС – не сохранило. Первородное понятие – ЛЕСТО, где ЛЕ – движение, СТО – вертикаль, стоящее. Лес растет вверх – название по свойству. БРЕСТ находится в ПОЛЕСЬЕ. То же и французский БРЕСТ. Ср.: FOREST (анг.) – лес, FORET (фрц.) – лес. Замена Ф на П, Р на Л, Т на С. Так же как ФЛОТ – ПЛОТ, ФОРТ – ПОРТ. Тоже получится ПО-ЛЕ-СТО. ПАРИЖ – PARIS. Заменяем А на О, Р на Л, Ж – на С: получаем тоже ПО-ЛЕСО – ПОЛЕСЬЕ. Свидетели этой топонимики – Беловежская пуца и Булонский лес. У топонимов крепкая память.

Путь к моногенезу

Первым обоснованием археолингвистического метода стала реконструкция русских слов. По замечанию академика Н. Н. Казанского, для подтверждения этой теории необходимо привлечь другие славянские языки. Следование совету еще больше убедило в универсальности метода. По первой версии, протолингвистика противостояла компаративистике, обособляла славянскую типологию в общезыковой сфере. Этот постулат был разрушен при анализе лексики археолингвистическим методом за пределами славянистики. Пойти на сравнение с другими языками индоевропейского ареала помог нарратив С. А. Старостина, который считал, что сравнивать слова дальнего родства разных языков лучше всего после их реконструкции. Это дало неожиданные результаты и полностью подтвердило тезис выдающегося лингвиста.

В одной из бесед С. Старостин назвал пример распространности слов с корнем «леп» по всему миру: «В русском он звучит в словах “лепет”, “лепесток”. Таких глобальных этимологий найдено довольно много, и я не могу объяснить это явление иначе, как предположив, что эти слова восходят к какому-то общему источнику. Постоянно копятся свидетельства в пользу этого предположения» [26. С. 27]. Ареал бытования этого корня при переводе в «глухой» вариант значительно увеличивается. ХЛЕБ – КО-ЛЕ-ПО – к лепке. Его можно проверить через слово ЛЕПЕШКА – ЛЕПО-СОКО, где СОКО – рассыкать (раскатывать тесто). Лепить и рассыкать. В эстонском хлеб – LEIB – ЛЕПО – тоже лепить. Здесь можно допустить заимствование. Но генотип ЛЕПО находим в словах и другого смысла. Так VLIEBEN (нем.) – ПО-ЛЕПЕ-НО – прилипать. (Абсолютно тот же принцип замен глухих звонкими, что и в славянских языках.) SKULPT (анг.) – лепить, СО-КУ-ЛЕПЕ-ТО – с сжатием лепить. Корень RIB – ЛЕПЕ в слове «ребро» – грч., дат., лат., польск., швд., эст., RIPPЕ – нем. Во всех этих словах генотип ЛЕПЕ.

Слово РЕБРО – ЛЕ-ПЕ-ЛО – создало библейскую нелепость: Бог создал Еву из адамова ребра. Переводчик или переписчик принял слово ЛЕПЛО озвонченным как более позднее РЕБРО. А смысл должен быть просто «слепил». ЛЕПЛО – это создание, а не ребро в нынешнем смысле. ЛЕПЛО – слепленное человеком, создание формы. ХРЕБЕТ – КО-ЛЕПЕ-ТО – к лепке других частей тела. Фасмер считает, что слово «ребенок» произошло от понятия «раб», вопреки «реб», по Мейе, Микколе. РЕБЕНОК – это ЛЕПО-НОКО – слепленный, НОКО – величиной с ногу – древняя мера высоты: «маленький», так же как и мера длины локоть, foot (анг.) – нога.

В Священном Писании нельзя не отметить такие строки: «И сказал: посему оставит человек отца и мать и приле-

пится к жене своей, и будут два одною плотью» [Мф. 19:5]. Эта заповедь рефреном идет по Ветхому и Новому Заветам, механически копируясь переписчиками как некий поэтический образ. Однако все очень прозаично, если ЛЕПИТЬ трансформировалось в ЛЮБИТЬ. А результат этого – ЛЕПЕНОК. ЛЕПО-ЛО – лепло, древнейшее первородное понятие «лепить» – значит, создавать.

КЪЩА (блг.) – дом, изба, КО-СТЕ. Слог-понятие КО играло роль примерно ту же, что и сейчас – приближение. Фонема Щ заменила СТЕ, что означало постоянно-длительное (ср.: СТЕПЬ – СТЕ-ПЕ, где СТЕ – неизменная протяженность, ПЕ – пелена). Согласно методике, в конце должно быть ЛО – сделано человеком: весло, прясло, коромысло... Реставрированное слово должно звучать так: КО-СТЕ-ЛО. Наблюдаем полное совпадение со словом КОСТЕЛ, которое встречается еще в летописи 1438 года. Возникает еще одно слово того же происхождения: GASTEL (лат.) – ГАСТЕЛ – КО-СТЕ-ЛО – замок, крепость. ХОТЕЛ (ХОСТЕЛ, блг.) – гостиница, отель. По семантике и первородной фонетике все слова одного корня. Слово КЪЩА – КО-СТЕ-ЛО – к стоянке постоянно-длительного свойства для человека. Этот болгарский архаизм, как и другие подобные примеры, достоверно демонстрируют путь к доисторическому слову.

ОРАТЬ – архаизм в русском – пахать – реконструируется как КОЛОТЬ, где фонема К утрачена, а Л перешла в Р. Корень РА в понятии «пахать» находим в словах самых разных современных языков.

КАРТЕЛЬ (фрц.) – КОЛО-ТЕЛЕ, где КОЛО – колоть, пахать, ТЕЛЕ – пашня. Того же происхождения АРТЕЛЬ. Протослова высвечивают древнейшую форму трудового объединения. Как видно, освоение пахотного поля – рубка леса, выкорчевывание пней, вспашка, сев – под силу было только объединению земледельцев.

КАЛЕНДАРЬ (грч.) – КОЛЕНО-ТОЛЕ, где КОЛЕНО – часть, ТОЛЕ – даль, дорога: часть дали, дороги, расстояния.

КАПИТАЛ (лат.) – КОПЕ-ТОЛО, где КОПЕ – копить, ТОЛО – доля или дар. Накопленное добро.

В казахском, в турецком САЛ – плот. В болгарском тоже САЛ. По логике – явное заимствование из турецкого, но факты не подчиняются логическим построениям. В удмуртском языке тоже САЛ. В русском о движении льда говорят: «Идет сало». От понятия «сало», которое не тонет.

В болгарском БЕНТ – плотина, в азербайджанском БЕНД – плотина. ПЕ-НОТО – ПЕ-НОСО, где ПЕ – преграда, препятствие, НОСО – постоянно носит. Преграду носит.

В тюркском слово КУЛ – означает «озеро» – Иссык-Куль, Еткуль... Есть река ЧУЛЫМ – КУЛО-НО (СО). Но почему река в форме озера? Эта река делает резкий разворот, и образуется тоже закругление. Случайности нет в языке.

«Если в семье всего два языка, то для праязыка могут быть формально восстановлены только корни, сохранившиеся в обоих языках. При увеличении числа языков возрастает и число реконструируемых корней, поскольку шанс быть возведенным к праязыку имеет любой корень, отраженный хотя бы в паре родственных языков» [25. С. 8]. Так считает С. А. Старостин. В подобных отражениях протолингвистика не ограничена.

ОДЕР – река, или ОДРА (чеш., герм., польск.). Есть подобные названия рек в Хорватии и Испании. Но представляется наиболее объяснимым древнее имя реки – лужичанское ВОДРА, реконструируется оно так: ВОТОЛО, где ВОТО – вода, ТОЛО – дорога: водная дорога. Два ТО слились (гаплоглогия). В других языках первая согласная утрачена.

Совпадение коптского слова ЯЩЕР со славянским ЯЩЕРИЦА можно объяснить не случайностью, а единым корнем [интернет, лекции В. Иванова]. Фонема Я заменяет звукосочетание ЛО – живое существо, Щ – СТЕ – стелет-

ся. ЛО-СТЕ-ЛЕ – стелющееся животное (ср.: ПЕЩЕРА – ПЕ-СТЕ-ЛО, где ПЕ – пелена, покрытие, СТЕ – протяженность, ЛО – для человека или животного). Языковед Ф. Фортунатов не случайно отмечал некую общность славянского с коптским. Вот слово из другого текста («Этруская письменность», интернет). ЛОР (этр.) – гроб, ГРОБ (слв.) – КО-ЛОПО – к исчезновению, ЛОПО – лопнуть, исчезнуть. В этрусском тексте все слова начинаются только с согласных, что соответствует одному из канонов протолингвистики.

Рассмотрим «перевод» древнего международного слова археолингвистическим методом: АБРАКАДАБРА – КО-ПО-ЛО-КОТО-ПОЛО, где КО – ко, ПОЛО – пустота, КОТО – ход и снова ПОЛО – пустота. Впервые в истории расшифруем это странное, таинственное слово: пустота идет (или ведет) к пустоте. Но мы знаем, что ПОЛО – еще и потенциальное понятие – ЗАПОЛНЕНИЕ. Даем современный перевод этой мудрой абракадабры: пустотой не заполнишь пустоту. Некоторые древние языки довольно близко объясняли этот афоризм. В арамейском: «Что сказано, то должно быть сделано». Так что абракадабра – не пустое заклинание, как утверждают словари, не набор звуков, а напутствие – на все времена и на все племена.

Лабиринты языка

Сказано: «На всей земле был один язык и одно наречие» [Быт. 11:1]. Библейский миф о недостроенной Вавилонской башне интересен указанием на существование единого языка. ВАВИЛОН – ВО-ВЕЛО-НО, где ВО – входить, ВЕЛО – вести, НО – нет. Однако слог НО имел двоякий смысл: нет, но должно быть. Это понятие напоминает лабиринт. Слово «Вавилон» не есть месопотамская монополия. На Соловецких островах, в Карелии [14. С. 77] среди водной территории сохранились некие древние круги, выложенные

из камней. Точное назначение их неизвестно. Они образуют своего рода лабиринты и носят название «вавилонны». В 1883 году в издании Императорского научного географического общества напечатана статья А. И. Елисеева «На севере России». Он так и пишет: «Лабиринты, или вавилонны, как у нас на севере обыкновенно зовут сложные узоры, являются памятниками каменного века» [10. С. 12–19]. Автор предполагает, что это были святилища глубокой древности, подробно описывает каменные узоры, но ни разу не упоминает месопотамский город с таким же названием. И это понятно, если учесть, что научное исследование Вавилонского царства началось только в 1899 году, до того Вавилон упоминался только в Библии.

Сложный узор, лабиринт – источник этого имени. Есть такие названия рек в Тюменской области, на Алтае. Названия схожи не только фонетически, но и семантически: лабиринты. Даже сложные дамские прически именовались в прошлых веках «вавилоннами».

Чем же объяснить такие разные территории бытования такого редкого слова? Явно не заимствованием, а одним и тем же признаком, возможно узорами на пальцах. В, П, Б – разные начальные фонемы в этом слове, а кто может сказать точно, как они звучали до письменности? Но главное, что это слово – название не только древнего города, ведущее нас по лабиринтам языка.

Поиск протолингвистических следов соотносится с идеями Клода Леви-Стросса, с его утверждением, что фонологическая система помогает вскрывать законы бессознательных явлений. Археоллингвистический метод способствует возврату утерянных первоначальных форм языковой структуры, подтверждает его слова, что в антропологии «лингвист содействует решению проблемы, обнаруживая в современном словаре стойкие следы исчезнувших отношений».

Миграция таких слов говорит не о заимствовании, а о едином источнике протоязыка. Моногенез языка подтверждает тезис Льюиса Моргана: «Признавая единство происхождения человечества, мы должны считать, что распространение его по земле произошло путем расселения из одного начального центра» [19. С. 293].

Моногенез, а не заимствование

1. Протолингвистика устанавливает общность в далеком прошлом разных языков, лексемы поддаются реконструкции с использованием тех же 12 фонем, что выявлены компьютерной программой, разработанной сотрудниками кафедры прикладной математики ЮУрГУ. Это ведет к началу начал человеческой речи, к единству человеческого общения не гипотетически, а на фактах. Наглядно, как данность, подтверждается моногенез языков. Все огромное богатство фактов сравнительно-исторического исследования, найденные лексические подобия в разных языках служат прямому подтверждению единого источника человеческой речи, только вектор компаративистики необходимо повернуть от глобальной аргументации заимствования на примат общего происхождения. Все признаки схожести в разных языках – суть реликты их общего первородства. Дальнейшее своеобразие шло в каждом территориальном сообществе по своим законам развития. Чем древнее слово, тем легче оно поддается этимологической реставрации археоллингвистическим методом. Здесь факты требуют теории.

2. Доказательство моногенеза в данной работе представлено пока экспериментально. Но есть более масштабное видение языкового моногенеза. К нему склонялся выдающийся лингвист С. А. Старостин, полиглот, владевший десятками языков. Он находил схожесть лексики малых народов Севера (напр., саами) и многих европейских языков. В последних работах «Определение устойчивости базис-

ной лексики» и «О доказательстве языкового родства» он вплотную подошел к факту моногенеза. В одной из бесед он так сказал: «Мы собираемся открыть и доказать – все языки были едины, а потом распались в тридцатом-двадцатом веках до нашей эры». Не по наитию, а исходя из исследованного ареала языковых фактов, лингвист растил всемирное генеалогическое древо праязыка. Но воплотить задуманное не успел. В любой сфере исследований нужна подобная «научная смелость». Именно это мощное свойство движет науку. Именно научной смелостью можно назвать прорыв в дальнее родство языков С. А. Старостина, который вопреки скептикам искал то звено, за которое можно вытащить всю генетическую цепь языка человечества.

3. Протолингвистика подтверждает компаративистскую верификацию праязыка, объясняет истоки найденной общности. Так разными методами доказывается языковое единство. Какой же можно сделать вывод из концепции на основе метода археолингвистики? Ее особенность – в эволюционности. Она дает наглядное представление о естественном зарождении и развитии языка, причем независимо от окружающей звуковой стихии. Противопоставление глухости – звонкости дает возможность аргументировать то, что озвончение происходило из естественной близости фонем, стремлением человека дифференцировать понятия явлений и, возможно, развитием речевого аппарата. Эта концепция ставит на пьедестал смыслообразующий звук еще до появления слога и слова, что отвергает бытующую аксиому: фонемы в речи не имеют собственного содержания и тем отличаются от морфем и слов. Метод археолингвистики утверждает слоговой язык и его превращение в словесный. Слово – завершение эволюции языка. Родился археолингвистический метод из трех парадигм: системно-структурной, сравнительно-исторической и антропоцентрической.

4. Протолингвистика убеждает в том, что связь человека с реальным миром была только через восприятие свойств предметов и явлений, служивших его практическим целям выживания. Первое осмысление мира и создание понятий происходило через восприятие свойств собственного организма, который стал как бы полигоном для распространения этих свойств на весь окружающий мир. Каждое сообщество означало явления и предметы по своему свойству – потому языки разные.

5. Протолингвистика с помощью археолингвистического метода может дать еще один инструментарий для этимологических исследований, откроет возможность проследить траектории семантических изменений слов, проложит путь к разработке новых методик изучения языков с учетом их более глубокого исторического развития.

Здесь приведены примеры элементарной реконструкции археолингвистическим методом. Более сложное восстановление доисторических слов можно найти в публикациях двух томов «Тайный код русской речи. Генетика слова. Трактат» и «Тайный код русской речи. Этимологический словарь. 5 000 статей». Книги имеются в библиотеках: Российской государственной, Софийской, Академии наук Чехии, Карлова университета, в Челябинской научной библиотеке.

Непосредственное участие в популяризации метода принимает болгарский ученый – академик, когнитолог, философ, доктор наук, профессор, действительный член Академии информатизации ООН, лауреат медали им. М. В. Ломоносова Александра Венкова Куманова. Благодаря ей книги «Тайный код русской речи» вошли в национальные научные коллекции Болгарии. Концепция «Етимологи и код на речта» при участии болгарского док-

тора наук, филолога Николая Василева переведена на болгарский язык и опубликована в журнале «Научни трудове на Университета по библиотекознание и информационни технологии», № 9, София, 2011. Метод применен в исторических исследованиях болгарских ученых в монографиях «Nestinariana», «Arganica», «Очите на шари», опубликованы две статьи Писановых по лингвистике в международном научном сборнике под редакцией С. Денчева, А. Кумановой, Н. Василева «Gloria bibliospherae» [27] – авторов тринадцати стран. Доктор филологических наук, профессор Института филологии Сибирского отделения Академии наук РФ И. Я. Селютина назвала метод археолингвистических исследований инновационным. Имеются десятки добрых отзывов других ученых, читателей. Поиск праязыка продолжается. Эта тема – немеркнущая.

Список использованной литературы

1. Амирова Т. А. и др. История языкознания. – М., 2003.
2. Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы. – М., 2002.
3. Бикертон Д. Язык Адама. Как люди создали язык. Как язык создал людей. – М., 2009.
4. Бернштейн С. Б. Сравнительная грамматика славянских языков. Изд. 2. – М., 2005.
5. Бурлак С. А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. – М., 2011.
6. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М., 2004.
7. Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л., 1982.
8. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка.
9. Джаксон Т. Н. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. – М., 2001.
10. Елисеев А. Журнал Русского географ. общества. Т. 19. – СПб., 1883.

11. Зализняк А. А. Лекции о берестяных грамотах. Интернет.
12. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Словарь. Т. 1. – М., 1971.
13. Кронгауз М., Пиперски А., Сомин А. Сто языков. – М., 2018.
14. Куманова А. В. Arīanika. – София, 2016.
15. Куманова А., Василев Н. Етимология и код на речта. Научный журнал Университета библиотекознания и информационных технологий № 9. – София, 2011.
16. Леви-Стросс Клод. Структурная антропология. – М., 2001.
17. Лосев А. Ф. Введение в историю языковых моделей. – М., 2004.
18. Мейе А. Общеславянский язык. – М., 2011.
19. Морган Л. Древнее общество. – Л., 1935.
20. Нерознак В. П. Теория лингвистической реконструкции. – М., 1988.
21. Писанов Л., Писанов В. Тайный код русской речи. Генетика слова. – Челябинск, 2011.
22. Писанов Л., Писанов В. Тайный код русской речи. Словарь. Анти-Фасмер. – Челябинск, 2009.
23. Погодин А. Л. Язык как творчество. Происхождение языка. – М., 2001.
24. Попов М. Б. Фонологические проблемы русского языка. – СПб., 2005.
25. Старостин С. А. О доказательстве языкового родства. Труды по языкознанию. – М., 2007.
26. Старостин С. А. Журнал «Знание – сила», № 9. – М., 2003.
27. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2. Языки славянских культур. – М., 2006.
28. Топоров В. Н. Текст: семантика и структура. – М., 1983.
29. Трубецкой Н. С. Основы филологии. – М., 1960.
30. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург, 1999.
31. Якобсон Р. Новое в лингвистике. Типологические исследования. – М., 1963.